

ПАНЦОВ МИХАИЛ

ПОТЯЩИК

СИРОТА

Помещик

Михаил Ланцов

Помещик. Том 1. Сирота

«Автор»

2024

Ланцов М. А.

Помещик. Том 1. Сирота / М. А. Ланцов — «Автор»,
2024 — (Помещик)

Андрей Прохоров смертельно болен. Поэтому, уцепившись за единственный шанс он согласен поучаствовать в эксперименте по переносу сознания. И, подготовившись, отправляется в прошлое. Оказался он в 1552 году под Тулой в теле 14-летнего паренька Андрейки, сына мелкого помещного дворянина. Денег почти нет. Поместье разорено и опустело от татар. А уже через год верстание на службу, к которому он должен выехать "конно и оружно"... Справится ли Андрейка? Сумеет ли выжить и устроится в новом, неприветливом мире?

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Осень	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил Ланцов

Помещик. Том 1. Сирота

Пролог

1552 год, 2 июля, Тула

Вспышка боли.

И темнота.

Невесомость и какая-то удушливость...

Мгновение.

И что-то вынудило Андрея открыть глаза, а также рефлекторно вздохнуть, выгнувшись дугой, словно бы оживая. Но он тут же зажмурился из-за яркого, прямого-таки режущего света, не успев ничего вокруг рассмотреть.

– О! Очухался соколик! – воскликнул кто-то рядом.

– Я и говорю – сомлел. А ты: дух вышибло, дух вышибло...

И вокруг все сразу загалдели разноголосицей.

Парень немного напрягся. Эти люди говорили вроде бы по-старорусски, но странно и непривычно, даже несмотря на то, что язык он учил. Тут и подбор слов, и выговор с ударениями. Речь ему была в целом понятная. Лишь отдельные слова ускользали от понимания. Но повторить её Андрей не смог бы сразу. Во всяком случае, чисто. Так что он решил если и говорить, то отрывисто и односложно. По крайней мере, поначалу.

И тут на парня накатили воспоминания, накрывшие его эмоциональной волной. А перед глазами промелькнула вся прошлая жизнь. Та, которую он прожил в XXI веке и в которую уже никогда не вернётся...

Прохоров Андрей считал себя везунчиком.

Ну а как иначе? Родился в обеспеченной семье. Да ещё с удивительно адекватными родителями, которые уделяли очень много времени и сил его воспитанию и развитию. Не говоря уже о ресурсах. У него было всё, что только ему могло захотеться, но при этом удалось как-то избежать избалованности. Парень не только учился отлично, но и жизнью был более чем доволен. Он ей наслаждался, а трудности воспринимал как новые увлекательные квесты.

Как следствие, золотая медаль в школе трансформировалась в красный диплом вуза. Причём без зубрёжки. Он реально смог разобраться и понять программу. Где-то сам, а где-то и с помощью очень толковых репетиторов, способных даже самые сложные вопросы по своему предмету объяснить на пальцах в считанные минуты любому. Но родители этим не ограничились. Так что, например, к поступлению в вуз он уже сумел довести свой уровень английского до свободного. В первую очередь за счёт того, что четыре года подряд проводил летние каникулы на языковой практике в Англии и США. После чего он начал осваивать немецкий, уже как второй иностранный, поскольку бизнес отца был связан с Германией. И опять-таки по весьма прогрессивным схемам с погружением в языковую среду. В общем, не жизнь, а сказка в представлении большинства простых ребят-сверстников, с которыми он общался. Перспективы же были такие, что дух захватывало...

А потом произошла трагедия, в одночасье перечеркнувшая всё.

Сначала в автокатастрофе погибли родители. Но беда не приходит одна. Уже через неделю после аварии врачи нашли у Андрея неизлечимую болезнь...

– От четырёх до пяти лет, – с предельно серьёзным лицом произнёс врач. – Максимум до десяти, но я бы на это не рассчитывал.

– Ясно, – глухо тогда ответил парень, которого столь «своевременная» новость окончательно добила, вогнав в жесточайшую депрессию.

Его жизнь сломалась и, считай, закончилась.

Раз – и всё.

И финиш.

Да, от четырёх до пяти лет – не так мало. Но всё равно при таких сроках ни семьи, ни карьеры не построишь. А главное – зачем?

И вот, когда он раздавленный бесцельно бродил по улицам, судьба дала ему надежду. Курьёзно и странно, но дала. Андрей случайно заметил опрятного мужчину в изрядных годах, который с трудом тащил тележку, нагруженную чем-то тяжёлым. Прямо пыхтел, поднимаясь по ступенькам. И он ему помог.

– Дай тебе Бог здоровья! – вполне искренне поблагодарил дед парня.

– Хорошее пожелание, но увы... – развёл руками Андрей, грустно улыбнулся и не прощаясь пошёл куда-то дальше.

– Пстой! – окрикнул он его...

Так и завязалась беседа, которая продолжилась уже в гостях. А потом и своеобразная дружба, потому что этот незнакомец дал парню надежду. Он оказался одним из так называемых «чокнутых учёных», которые потихоньку в гараже мастерят очередную гравицапу¹ или «Звезду смерти»².

В данном случае он пытался создать машину времени.

– Будущего нет, ты понимаешь? Будущее – это просто бесконечно количество вероятностей. Куда бы ни прицелился в будущем, ты можешь переместиться только в одну из таких ветвей. А учитывая их бесчисленное множество, вероятность гибели при таком переходе практически безусловна. Ты просто попадёшь в жернова хаоса и растворись в них без следа за доли секунды. А вот прошлое, оно ригидное, оно фиксированное. В прошлом уже можно найти якоря и зацепившись за них... – продолжал он вещать.

Его аппарат переносил только сознание.

Нет, конечно, теоретически можно было переносить и иную материю. Во всяком случае, по его мнению. Но тогда бы потребовалась несопоставимо большая мощность устройства. И без участия правительства или крупной корпорации этого не провернуть. А он не хотел с ними связываться.

– Отправлю я тебя в твоего же далёкого предка. Это самый простой способ. Твой геном выступит якорем.

– Насколько далёкого?

– Сложно сказать, – пожал дед руками.

– Ну хоть примерно.

– Я посмотрел мутации ДНК. Якорь, за который я могу надёжно зацепиться, находится семнадцать поколений назад. Сколько это лет? От четырёхсот до шестисот. Примерно. Так что разброс, сам понимаешь, великий.

– Ясно, – задумчиво кивнул Андрей. – А куда денется сознание моего предка?

– Затрётся. Преимущественно затрётся.

– Он что, умрёт?

---

¹ Гравицапа – фантастическое устройство из советского кинофильма «Кин-дза-дза!». Установленная в двигатель пепелаца, позволяла совершать мгновенные межгалактические перелёты.

² «Звезда смерти» – вымышленная боевая космическая станция из франшизы «Звёздных войн». Оснащена сверхмощным оружием, способным уничтожать целые планеты.

– Физически нет. Как личность – да. Но, учитывая особенность переноса, какие-то остатки старой личности должны пережить твоё вселение. Так что он скорее не умрёт, а растворится в тебе.

– Понятно, – нахмурился парень. – Мне имеет смысл подготовиться?

– Конечно. Переноситься будет твоя личность со всеми её знаниями и навыками.

И Андрей пошёл готовиться, не задавая больше лишних вопросов...

В своё время его отец уделил немало времени, денег и сил для того, чтобы попытаться составить генеалогическое древо и выяснить, кем были его предки, поэтому парень предполагал, что они происходили из центрально-русских земель. Во всяком случае, века до восемнадцатого удалось добраться. А дальше? Рандом. Гаплогруппа показывала достаточно обнадеживающий результат. Однако точно семнадцатое колено по мужской линии определить не получалось. Слишком далеко в прошлое. Слишком мало сведений. Так что оставались варианты и пришлого человека. Но он о том не думал и готовился именно «загреметь» куда-нибудь на Русь XIII–XVII века.

Большой разброс. Но ещё больше было поле вариантов того, кем являлся его предок. Очень не хотелось оказаться холопом или крепостным, но случиться могло всякое. Так что он изучал хотя бы шапочно эпоху и продумывал поведенческие сценарии. А также старался получить те навыки, которые могли бы ему пригодиться в прошлом. И выжить там при любом раскладе.

Андрей штудировал и материалы по агротехнике, и по химии, и по физике, и по металлургии, и прочее. И фехтовал, беря частные уроки у достаточно толковых мастеров, практикующих исторический бой, а не современное театральное искусство. И верхом ездил, учась ухаживать за лошастью. И из лука стрелял. И так далее.

И даже язык учил.

Понятно, что он мог оказаться и в Испании, и в Персии. Тут ничего не попишешь – рандом. Однако самая высокая вероятность была связана с Русью. Вот русский язык той эпохи он и учил. Примерно той, так как разброс всё-таки великоват. Язык этот хоть и был в целом понятен, но отличался речевыми оборотами, употребляемой лексикой и грамматически. Ну и молитвы зубрил на церковнославянском. Самые основные. Ибо пригодятся в те время они ему совершенно точно, как и знание на зубок Символа веры.

В подобных хлопотах прошёл первый год... второй... третий... четвёртый... пятый, а вот на шестой пришла пора отправляться. Болезнь прогрессировала, и смерть подобралась слишком близко. Дальше тянуть было нельзя.

– Ну что, ты готов? – спросил его профессор с каким-то нездоровым блеском в глазах.

– Да. – кивнул Андрей, который совсем недавно пережил приступ боли. Они с каждым месяцем становились всё чаще и острее, из-за чего уже разрушили его сон и истощили до крайности. Настолько, что врачи стали настойчиво рекомендовать ему хоспис³ и наркотики, дабы отойти в мир иной без лишних тревог и болевых ощущений. Но он выбрал свой путь. Он к нему готовился. И вот теперь – сев на кресло, опутавшись проводами и надев какой-то необычный шлем, он был полон решимости.

Профессор улыбнулся.

Дёрнул за рубильник.

И тело Андрея пронзила острая боль. Настолько мощная, что он потерял сознание и обмяк, повиснув на ремнях, удерживающих его тело. Секундой спустя запищал кардиомонитор, а его диаграмма ЭКГ превратилась в линию.

---

³ Хоспис – медико-социальное учреждение для оказания паллиативной помощи неизлечимым больным в последней стадии заболевания.

– Дело сделано, – несколько нервно произнёс старик внезапно осипшим голосом. Подошёл к окну и приоткрыл жалюзи.

В чётко очерченном круге всё было нормально. А вот дальше крутился серый вихрь первородного хаоса вокруг этого островка порядка. Энергии для поддержания аномалии в стабильном состоянии оставалось всего ничего. Едва на полминуты.

За его спиной громко тикали часы, отдаваясь в голове каждым шелчком, словно ударом. Старого мира больше не было. Он спровоцировал его откат. А значит, в новом его варианте, в новой его сборке судьба может оказаться более милостива к его супруге и дочери, погибшим таким нелепым и обидным образом.

Да, он отправил в прошлое современника. Но профессор, вслед за Львом Толстым и прочими его поклонниками, был уверен – личность ничто в жерновах истории. Выживет ли он там? Бог весть. Однако даже если и выживет, то ничего поменять не сможет и мир плюс-минус соберётся так же, как и сейчас. Вот на этот «плюс-минус» профессор и рассчитывал, надеясь, что это уберёжет его семью от гибели. Ведь случайность же... случайность...

Щёлкнули ещё раз часы, отсчитывая очередную секунду.

Пискнул аварийный зуммер, показывающий, что энергии осталось на десять секунд.

– Весь мир в труху... – нервно улыбнувшись, прошептал профессор знаменитую фразу из ДМБ. А потом добавил: – Надеюсь, всё это не зря.

Пискнул последний раз зуммер. И эта стабильная аномалия в доли секунды растворилась в хаосе. Настоящее же сместилось на неполные пять веков назад, начав заново развиваться. И там, в далёком 1552 году от Рождества Христова или, как тогда считали, в 7060 году от сотворения мира, Андрей открыл глаза. И тут же зажмурился из-за рези от яркого солнца. Какой-то балбес догадался положить его так, чтобы солнечные лучи светили ему прямо в лицо.

Вокруг сразу залопотали.

«Ну что же, хотя бы местные края», – пронеслось в голове у Андрея с некоторым облегчением. Потому как оказаться где-нибудь в Китае или Персии ему не сильно хотелось. Слишком всё другое в культурном плане. Слишком он там будет чужеродным элементом.

На Руси, понятно, он тоже будет выглядеть чужим. Но... хотя бы не настолько. Просто «ушибленным» слегка. Да и адаптируется быстрее. Оставалось понять только, кем именно он тут очнулся. И скрестить пальцы за то, чтобы не оказаться крепостным там или холопом. Или, упаси Боже, холопкой. Профессор вроде бы говорил о том, что он попадёт в тело предка-мужчины, но вдруг у этого «учёного лба» что-то пошло не так?

Часть 1. Осень

- Можно с вами выпить?
- Выпить всегда можно... Можно даже кое-что выиграть.
- Например? Цирроз печени?

Геральд из Ривии и пьяница

Глава 1

1552 год, 2 июля, Тула

Немного ещё повалявшись, Андрейка⁴ – а его здесь, к счастью, звали именно так – поднялся, отряхнулся и огляделся. Ощущения были странные. Тело было меньше старого и существенно легче, из-за чего поначалу все вокруг казались великанами. Но это быстро прошло.

Куда важнее оказались ощущения. Он чувствовал себя словно в какой-то компьютерной игре. Почему? Сложно сказать. Скорее всего, потому, что он хоть и готовился оказаться в прошлом, но сам до конца в это не верил. И использовал этот проект как возможность не думать о плохом в последние годы жизни, чтобы наполнить их смыслом и чем-нибудь увлечённо заниматься. А тут раз – и всё получилось. И наш герой оказался удивлён этому совершенно не шуточно.

Клим Дмитриевич делал своё дело – настраивал машину времени, доводя её до ума. А он? Он просто вцепился в этот «спасательный круг» и готовился, но в глубине души даже и не сомневался в полной бессмысленности этих занятий. И в том, что он умрёт. Без всяких сомнений и довольно скоро...

Как и предполагал профессор, какие-то остатки личности далёкого предка, которого Андрей так бессовестно подвинул из тела, сохранились. Прежде всего отрывки памяти и эмоциональные реакции на знакомых людей. Почему это сохранилось? Не ясно. Да и не важно. Главное – что это не привело к раздвоению личности. И к тому, что он не получил полную амнезию в глазах окружающих. А то было бы крайне неудобно.

Внешне вселение, кроме кратковременной «потери сознания» телом в самом прямом смысле этого слова, вылилось в несколько странное поведение. Парень поводил несколько минут напряжённым взглядом по окружающим. А потом начал «узнавать» то одного, то второго, то третьего. Понятно, что подробностей в такого рода воспоминаниях было минимально. Но личности опознал и эмоциональные реакции своего предшественника осознал. Для начала хватило за глаза. Но общения со священником избежать не удалось, слишком уж он себя странно повёл...

---

⁴ В те годы была интересная градация формы имени в зависимости от социального положения. Вариант именования Иван Иванович мог себе позволить только князь или крупный боярин, да и то среди своих или тех, кто ниже статусом. Перед царём он был Иван сын Ивана / Иванов сын или даже Ивашка сын Ивана / Иванов сын. Для отроков или недорослей полное имя также не употреблялось. Аналогичное обстоятельство распространялось и на остальные сословия, за исключением крестьян и прочих простых людей. У них всегда употреблялось только уничижительная форма имени. Причём нередко, если имелась просторечная форма, её и использовали. Например, не Никитка Иванов сын, а Микитка Иванов сын. Упоминание отчества практически всегда было в полной, правильной форме. Так что сын этого Микитки уже именовался бы как Никитин сын. Хотя в отдельных случаях в именовании отца могла закрепляться уничижительная или просторечная форма имени – Микита, а не Никита, Юрий, а не Георгий и так далее.

– Мне сказывали, что сомлел ты, – с доброй, располагающей к себе улыбкой спросил отец Афанасий.

– Да, – односложно ответил Андрейка.

– Отчего же?

– Не ведаю.

– Как сказали, что батька его погиб, так отрока и скрутило. Словно оглоблей ударило. Раз. И осел. А сам едва дышит, – вместо Андрейки ответил дядька Кондрат, друг отца, что привёл его по доброте душевной в храм «от греха подальше, а то как бы беда какая не приключилась».

– Царствие ему небесное, – вполне искренне произнёс священник и перекрестился. – Хороший человек был.

Андрейка же едва сдержал грустную, скорее даже мрачную ухмылку. Судя по тому, что он сумел вызнать, погиб отец этого тела во время обороны Тулы от татар. Перестреливался с супостатом и поймал стрелу. Иными словами, батька Андрейки отдал жизнь за них всех в честном бою.

Но это ещё полбеды.

Сыну он оставил в наследство старую саблю в дешёвых ножнах да лук татарский, трофейный, с шестью стрелами в колчане. Мерин⁵ и заводной меринок⁶ его пали во время отхода к городу. Он и сам тогда едва ноги унёс. А вместе с ним утекли к татарам и сбруя, и кое-какие пожитки, и, что особенно обидно, кольчуга дедова с шеломом⁷.

Так что у Андрейки на сей момент из имущества имелся только отцовская сабля, лук с неполным колчаном стрел и достаточно худой кошелёк.

Конечно, где-то там, на берегу реки Шат, недалеко от засечной черты, имелось поместье отцовское. Но ему с него по малолетству выделяют на прокорм всего 25 четвертей⁸. Пока. А полностью передадут лишь на будущий год, если сможет пройти вёрстку в новики. Но толку от этого поместья – ноль. Потому как людей на нём теперь, после такого нашествия татар, совершенно не осталось. Побили или угнали в рабство почти наверняка. И совершенно неважно в такой ситуации, 25 у тебя четвертей или 500. Работать на них всё одно – некому.

В самом же городе с поручением отцовым остались два его холопа – Устинка и Егорка. Обоим уже за тридцать лет. На вид худые, изнурённые кадры с пустым взглядом. И батя их в холопы взял лишь от милосердия великого, ибо голодали, совершенно разорившись.

И всё. Вообще всё. Больше у Андрейки не было ничего. Только два голодных рта. Пустое поместье с вытоптаннами посевами и выбитыми или угнанными в плен селянами. Около рубля монетами. Сабля да лук. И целый ворох проблем, которые нужно было решить уже вчера. И ведь не решишь – поместья лишат, о чём ему очень прозрачно намекнули, ибо желающих хватало даже на пустое поместье. А ему самому сватали в послужильцы⁹ пойти.

В принципе – вариант, но от безысходности.

Послужилец стоял статусом ниже, нежели поместный дворянин. А значит, переход в него – урон чести родовой. Так-то с неё самому Андрейке ни горячо, ни холодно. Но в здешней, насквозь сословной и местнической системе это значило многое. Ты опростоволочился, зама-

---

⁵ Мерин – кастрированный жеребец. Уступал настоящим боевым коням, но был намного более доступен.

⁶ Меринок – кастрированный жеребец мелкой породы. Чуть крупнее меринца (считай, пони – мелкая степная лошадка). В XVII веке после Смутного времени даже на меринцах поместные выезжали. Но в середине XVI века, до опустошения Ливонской войной, конечно, что меринок, что меринец выступали только как заводные.

⁷ Шелом – разновидность шлема высокой сфероконической формы с обратным изгибом конической части. Это классический шлем из русских сказок и былин.

⁸ На Руси в XV–XVI веках уже было в обиходе трёхполье. И поместье указывали непривычно – по площади одного поля. Иными словами, если писалось, что поместье в 25 четвертей, то земли там под пашню 75 четвертей. Четверть составляет 0,5 десятины или половину от прямоугольника 80 x 30 сажень (1200 квадратных сажень) или 0,54 га.

⁹ Послужилец – тот военный, который выезжал с помещиком дополнительно на службу.

равшись каким-то дурным поступком? Так твоим внукам это ещё вспоминать будут. И ставить станут их ниже тех, кто подобного не совершал...

Так вот, Андрейка с трудом сдержал грустную ухмылку на лице при словах священника и, развязав кошелек, достал оттуда сабяницу¹⁰.

– Прими. Не побрезгуй. На храм.

Афанасий внимательно взглянул Андрейке в глаза. И кивнул на кружку для подаяний, что стояла на небольшом столике у стены. Паренёк не стал ломаться и сделав несколько шагов, положил её туда.

Казалось бы – всего одна монета, но ценность у неё была немалая. Особенно для сироты, что лишился почти всего. А ценность пожертвования – интересная вещь. С духовной точки зрения важнее не количество, а качество жертвы. Тот, кто готов поделиться последним, стоит намного выше того, кто даёт малую толику. Так что священник, прекрасно знавший уже ситуацию Андрейки, высоко оценил этот поступок. С богатого и рубль взять мало, а тут щедрость вон какая. Хотя, конечно, и дядька Кондрат, и священник списали этот поступок на юность и глупость. Списали, но оценили.

– Что терзает тебя, сын мой? – спросил Афанасий, когда паренёк вернулся к нему.

Разговорились.

Общий посыл был прост. Андрейка пытался соскочить с расспросов, опасаясь своего разоблачения, и отвечал как можно более рублено и односложно. Афанасий же не сильно старался, прекрасно понимая, что парень потерял отца и оказался в сложной жизненной ситуации.

Зачем его сюда привели?

А на всякий случай. В те далёкие времена священник был очень уважаемым и авторитетным человеком в общине. Тем, кто ведал в вопросах мутных и непонятных. Вот и притащили ему странно пришибленного отрока. Вдруг что не так с ним? Вдруг помощь нужна?

Но обошлось.

С полчаса паренёк терзали расспросами. А потом и отпустили с Богом.

Вышел Андрей на крыльцо церковное и вздохнул с облегчением. Слишком явно и шумно.

– Что сын мой? – поинтересовался Афанасий, который, как оказалось, тихо следовал за ним. – Робеешь ты отчего передо мной?

– Робею?

– А нешто нет? Вон какой вздох.

– Тяжко дышать, – ляпнул Андрейка, не подумав. Забыв совсем о том, что в те годы к таким вещам относились куда как серьёзнее. И если тебе в храме Господнем дурно, то это не спроста. Вот и оказалось, что паренёк задержали ещё на полчаса. И святой водой умыли. И помолились. И в душу снова полезли. Но уже без дядьки Кондрата. Один на один...

– Да оставь ты его, Афанасий, – пробасил кто-то от двери.

Они оба обернулись и увидели воеводу.

– У отрока отец пал. Ни кола ни двора за душой не осталось. А теперь и ты его поедом ешь. Брось. Да и дело у меня не к тебе.

– Ну коли дело, – нехотя улыбнулся Афанасий, которому эта игра в кошки-мышки с Андрейкой уже начала нравиться. – Ступай, отрок. И помни – по семь раз «Отче наш» читай ежедневно не менее четырёх седмиц.

– Да, отче, – кивнул Андрей и, обозначив поцелуй руки священника, удалился. Со всем почтением и не спеша. Потому что Афанасий вместе с воеводой с интересом наблюдали за ним.

---

¹⁰ С 1535 года серебряный счётный рубль состоял из 400 полушек (по 0,17 грамма) или 200 московок, называемых также сабяницами (по 0,34 грамма) или 100 новгородок (по 0,68 грамма), которые именовали также копейками. Кроме счётного рубля, ходовой мерой считался алтын, состоящий из 6 московок или 3 новгородок. Имелись и иные монеты, соотносимые следующим образом: 1 алтын = 2 рязанки = 3 новгородки = 4 тверские деньги = 6 московок.

– Чего ты на него взъелся-то? – спросил воевода, когда наш герой покинул храм. – Уже шепотки до меня дошли.

– Умный он.

– Андрейка-то? – удивился воевода.

– Андрейка, – кивнул Афанасий. – Но ум свой таит. Он много чего таит, боясь явить людям. Отрок сей полон тайн. Вот меня любопытство и взяло.

– Вздор какой. Андрейка же в отца своего пошёл. Лихой рубака будет. А умом скуден. Читать, сказывают, его пытались учить, да не выучили. Совсем буквы запомнить не может.

– Может, и вздор, – легко согласился священник, и они переключились на другую тему разговора. В конце концов, к этому Андрейке он всегда сможет вернуться позже. Куда ему деваться то? Не сейчас, так потом, улучив момент, можно будет понять, что с ним не так...

Наш же герой, выйдя из храма, больше своей оплошности не повторял. Демонстративно перекрестился. И не спеша пошёл бродить по городку. А поджидавшие его рядом Устинка и Егорка следом посеменили. Выглядело это крайне забавно. Подросток лет четырнадцати с саблей на поясе, ему великоватой пока, вышагивал впереди. А за ним двое взрослых мужчин семенили. Один из которых тащил в своих руках лук и колчан. Но именно что тащил, а не надевал на себя, демонстрируя, что это не его.

Город был небольшой, поэтому Андрейка, не желая лишний раз пересекаться с отцом Афанасием, решил валить к родным пенатам. И чем быстрее, тем лучше. Проще говоря, ехать в поместье и пытаться разобраться там, что к чему. Может, не всё разорили татары. Может, осталось что ценное, и как-то прожить можно будет. Но для отъезда требовалось иметь хоть какие-то запасы. Это ведь не компьютерная игра, а жизнь. И кушать тут требовалось регулярно. Другой вопрос, что денег было в обрез. И наш герой решил перед покупками прицениться.

Крепость Тулы была в те дни набита народом, словно птичий базар¹¹ пернатыми какунами. Весь посад сюда перебрался на время, чтобы укрыться от супостатов. И купцы тоже вместе с тем барахлом, которое удалось притащить. Татары отошли поутру. Но люди всё ещё ютились, опасаясь покинуть надёжное укрытие.

Главной прелестью такой ситуации оказалась скученность купцов да ремесленников со своими товарами на минимальной площади. И почти все – на виду, из-за чего тульский кремль отчаянно напоминал Андрейке какой-то восточный базар. Да и торговаться можно было с оглядкой на других купцов и служивых. Ведь сын пострадавшего за их жизнь воина торг вести станет. Если такого начать обманывать на виду у людей – проблем не оберёшься. Вступятся же. Обязательно вступятся.

Час ходил да расспрашивал. Два. Купил за полушку немного еды, чтобы утолить голод и себе, и своим холопам. Рабам то есть.

Рабы. Да уж. Эта мысль, конечно, парня немало глодала. Он как-то не был готов к тому, что станет рабовладельцем. Но на Руси рабство было, причём исконно – сразу на момент создания. Однако, в отличие от популярных версий, это отнюдь не крепостное право. Крепостные – это крестьяне, которых прикрепляли к земле, то есть ограничивали им право передвижения. Лично же они оставались свободными. Во всяком случае, формально. Даже в период самого сурового крепостничества, когда реальное положение этих крестьян ближе всего подошло к рабскому.

Настоящих рабов на Руси называли холопами и считали движимой собственностью. А детей их приравнивали к приплоду, словно от скота, считая естественным способом прироста рабов того или иного собственника. Отменил этот кошмар лишь Пётр I 19 января 1723 года.

---

¹¹ Птичий базар – массовые колониальные гнездовья морских птиц.

Но до этих событий было ещё далеко. Так что и холопы, и челядины¹² вполне встречались в русском обществе.

В общем, купил Андрейка еды и сел кушать со своими людьми. А заодно и думать. Денег получалось настолько мало, что на них просто до весны не протянуть. Даже если жить впроголодь и драть по весне кору с деревьев для «вкусного и сытного» супчика.

В этой связи предложения пойти послужильцем не выглядели настолько оскорбительно. Всё начинало походило на ситуацию, в которой Устинка и Егорка, понизили свой статус, став рабами. Но этот Андрейка был совсем не тот, что имелся раньше. Этот Андрейка почти шесть лет готовился к тому, чтобы отправиться в прошлое, да и до этого немало учился, укрепляя, развивая и наполняя мозг всякими полезными знаниями. И продумал за время подготовки много всякого рода сценариев «поднятия бабла». А тут ведь требовалось именно оно.

Причём, как это ни странно, «поднять бабла» требовалось совсем немного. Всего-навсего протянуть до весны да добыть где-то мерина с меринком заводным или меринцом. Как минимум. Этого уже хватило бы для принятия отцовского наследства. Понятное дело, что «немного» это относительное понятие. Потому что мерин стоил в среднем от десяти до пятнадцати рублей¹³. Меринок ещё от четырёх до девяти. Значит, по самым скромным подсчётам, Андрейке требовалось добыть минимум пятнадцать рублей только на «блохастых друзей». А крестьянин семейный, если работал в покое на земле доброй и угодной, давал около рубля прибыли в год. Плюс-минус. На первый взгляд – прилично. Но пятнадцать крестьян семейных на земле – это солидный результат. Не каждый поместный дворянин мог похвастаться такой популяцией под своей рукой. У бати его, к примеру, было всего семеро.

Дела...

Андрейка, посчитав, что к чему, и приценившись, начал действовать по одному из задуманных им сценариев.

Начал он с того, что сторговал у одного торговца старую лодку до весны за 15 сабляниц. В аренду. Тому она всё одно была пока не нужна. А нашему герою как-то до поместья добираться требовалось.

Потом купил у другого торговца небольшой горшочек купоросного масла за двадцать московок и одну полушку. Тот взял этот товар для продажи кузнецам, но посад оказался разорён, и когда ещё удастся ремесленникам вернуться в старое русло – неясно. А тут дурачок малолетний захотел купить товар, с которым, по всей видимости, не знал, что делать. Да, сильно дешевле, чем хотелось бы, но купцу сейчас и такая прибыль была «в струю» после татарского погрома.

Горшочек получился крошечный, едва на пол-литра, а крепость этого купоросного масла, то есть слабой серной кислоты, слабенькая. Парень проверял её, окуная струганую палочку и оценивая степень обугливания за счётное время.

У того же торговца он взял за полторы московки туесок мела. Самого что ни на есть обычного. Зачем парню он сдался – тайна, покрытая мраком для окружающих. Никто не понимал. Но раз блаженный сорит деньгами, то почему бы не продать? Хотя торговался Андрейка отчаянно, чем вызвал даже оттенок уважения со стороны торговцев, наблюдавших за этим действием.

Чуть побродив ещё, он взял у другого торговца самый дешёвый и поганый топор да напильник вроде как к нему. Но напильник исправный. Ему его продали с нескрываемой снисходительной улыбкой, балансирующей на грани насмешки. Дескать, дурачок, зачем напильник

---

¹² Челядь – изначально раб, захваченный во время военного похода, потом просто раб, прислуживающий при дворе господина или занимающийся сельским хозяйством.

¹³ Цены здесь и в дальнейшем приведены с опорой на книгу А. Г. Манькова «Цены и их движение в Русском государстве XVI века» 1951 года издания. Часть цен выведена аналитически на основе этого и иных источников, так как сведения о них на указанный период отсутствовали или были не точны / не полны.

то покупать? Топор можно править и камнем. Особенно если у тебя денег нет. А тут ладно что напильник, так ещё и крупный. Таким топор не поправить. Однако Андрей не унывал, продолжая «придуриваться». Поторговались и ударили по рукам. А потом пришлось отсчитывать 72 московки.

Так же он закупил немного соли, четверть самого дешёвого зерна – ячменя и луку с чесноком немного, потратив на продовольствие ещё 39 московок. На чём его торговые дела и закончились. Спустив 76 с половиной копеек, он остался с десятком на кармане и кучей малопонятного для окружающих барахла. После чего собрался уже по утру отчалить. Благо, что татары, опасаясь подхода царёва войска, отступали достаточно энергично, и завтра в округе тульской станет относительно безопасно.

Кое-кто его даже пожалел, видя, что у парня от горя «крыша потекла». И предлагали ему разное. Например, перезимовать у них, где в долг, где за услугу в будущем. Кое-кто даже предлагал ссудить ему денег. Дескать, разбогатеет – отдаст. Но Андрейка на такие дешёвые разводы не вёлся и шёл своей дорогой...

Глава 2

1552 год, 4 июля, где-то на реке Шат

Взятая в аренду лодка была совсем убогой и текла безбожно, из-за чего приходилось регулярно приставать к берегу и отчерпывать из неё воду. Вот путешествие и затянулось. И даже пришлось ночевать где-то в двух третях пути. Хотя, если бы лодка была в порядке, добрались бы до места к сумеркам первого дня. Или даже раньше. А так – встали вечером на стоянку. Развели костёр. И Андрейка попробовал лодку отремонтировать.

У него, конечно, имелись Устинка да Егорка, но их инициативность была минимальна. Они жили по формуле «Что воля, что неволя – всё равно» и не сильно стремились к чему бы то ни было. И он их понимал. Когда ты раб, то, чтобы ни сделал, всё одно, результат твоего труда тебе не принадлежит. Вот они и не стремились ни к чему и ни в чём не старались. Даже если знали или умели. Жив? Поел? И довольно¹⁴. Вот. Он даже не стал пытаться им что-то объяснять поначалу. И был вынужден действовать самостоятельно.

Сел, значит, наколот топором тонких мелких щепок и начал ими конопатить лодку. Вбивая их в щели. Опасно. Можно было легко дать трещинам ход и вообще оказаться без лодки либо усугубить ситуацию. Но Андрейка осторожничал и аккуратно подбивал их туда. И стремился не к тому, чтобы полностью прекратить течи, а лишь уменьшить их до разумных пределов.

Понятное дело, что по уму конопатить нужно коноплей или хотя бы ветошью какой. Но ни того ни другого под рукой не наблюдалось. А плыть требовалось. И главное – трещин было много. ОЧЕНЬ много. Старая лодка вся разохлась, видимо пролежав довольно долго на берегу под солнышком.

Так или иначе, но усилия парня оправдались, и с утра они пошли уже куда как бодрее, не останавливаясь то и дело отчерпать воду. Да, она прибывала, так как щели никуда не делись, но куда как меньше. И её можно было отчерпывать простой деревянной кружкой, а не, вытащив на берег, разгружать и опрокидывать, выливая накопленную жидкость...

– Приплыли, – констатировал Андрейка, когда из-за очередного поворота реки показался отцовский дом. Точнее то, что от него осталось.

Когда-то это был сруб-пятистенки.

На первый взгляд – скромно. Тем более для помещного дворянина, пусть и мелкого. По крайней мере, наш герой ожидал чего-то большего. Но простые крестьяне в таких не жили. Подобные домики были для них слишком дорогим удовольствием, вынуждая обходиться землянками, мазанками и прочими эрзац-решениями. А вот помещные дворяне – да, пользовались. Они пусть и с трудом, но могли себе такие «хоромы» позволить. Как и отдельные зажиточные персонажи в сёлах.

Обойдя вокруг остатков избы, Андрейка лишь пожал плечами. На его взгляд, избышка была маленькой. «На выпуклый взгляд» три на пять метров да всего в один этаж. Хотя Устинка

---

¹⁴ Ситуация эта никуда не делась и в XXI веке. Например, владельцы торговых сетей частенько урезают зарплаты своим сотрудникам в рамках оптимизации своих расходов, лишая их всякой мотивации, из-за чего их сотрудники на работе номер отбывают и не имеют ни малейшего желания стараться. Ради чего? Из-за этого продажи падают, а списание товара растёт. Как следствие, прибыли продолжают падать. И не понимающие сути проблемы владельцы бизнеса ещё сильнее секвестрируют расходы, урезая зарплаты, доводя мотивацию своих сотрудников до рабской, то есть никакой. Понятно дело, что простым поднятием зарплаты ситуацию с мотивацией не решишь. Но, не поднимая её до адекватного уровня, проблему можно хоть как-то решить только заменой персонала на гастарбайтеров из ещё более бедных стран, само собой с черным оформлением. Да и то – до поры до времени. Правда, кроме мотивации, недурно ещё и квалификацию иметь, и другим факторам соответствовать, но это уже другой вопрос...

сказывал ему в дороге о большом доме. Так что наш герой был в некоторой растерянности. Скорее всего, в местных реалиях этот домик и считался большим. Как знать? Во всяком случае, застройка Тулы никакой монументальностью не отличалась. Двухэтажных домов практически не было.

Более внимательный осмотр дома дал достаточно интересный вывод. Венцы его уцелели на добрый метр от земли. Обгорели в разной степени, но уцелели. Перекрытия провалились внутрь, как и солома с крыши. Она, по всей видимости, была сыровата, из-за чего не столько горела, сколько чадила. И обвалившись, стала активно вытеснять своими продуктами горения кислород. Что и потушило дом. А вместе с тем спасло от огня и то, что лежало на полу. Понятное дело – после татар там вряд что-то ценное осталось. Но в сложившихся условиях даже лишний горшок керамический – уже полезное приобретение...

– ...мать! – в сердцах воскликнул Андрейка, зацепившись за какую-то палку и едва не упав.

Выругался. И замер, задумавшись. Ведь никто вокруг не говорил ни единого слова о его матери, а тело не сохранило никаких воспоминаний. Но ведь так не бывает. Отцы не размножаются почкованием. Вот он и решил поинтересоваться у своих холопов, вдруг они знают.

– Так взмерла она, – удивился Егорка. – Почитай, лет уже за добрую дюжину. Как понесла опосля тебя, так Богу душу и отдала.

– Али запамятовал? – не меньше удивился Устинка.

– Как в тумане всё... – осторожно ответил Андрейка.

– Бывает, – тяжело вздохнул Егорка, потерявший всю семью во время татарского набега.

И все эти воспоминания об умерших родичах растеребили в нём грустные мысли.

– А какая она была?

– Прасковья-то? Уродилась дочерью Семёна Крапивы¹⁵, что из Коломны, – уважительно произнёс Устинка и, подняв глаза к небу, перекрестился, а потом добавил: – Добрая баба была. Царствие ей небесное.

– А что? Дед-то мой жив ещё?

– А кто же про то ведаёт? – пожал плечами Устинка. – Я его уже много лет не видал.

– Коли весточка до него дойдёт, сам объявится.

– Да, – кивнул Устинка, согласный с Егоркой.

– Может, к нему и податься? – подумал вслух наш герой.

– Денег он тебе не даст, – твёрдо произнёс Егорка. – И мерина не даст. Даже меринца.

– А почто так? Не люб я ему?

– Люб... не люб... Не имеет он лишних коней и денег. У самого трое сыновей да семеро внуков, окромя тебя и бати твоего покойного. И ты один тут, как отломанный ломоть, а они все под боком.

Андрейка немного помолчал, размышляя о том, как дела его складываются. И о своих «родственников Шредингера», которые вроде бы и есть, а вроде бы и нет.

Точнее, не так.

Они есть. Точно есть. Пусть не дед, так дяди или братья двоюродные. И если совсем припечёт – к ним имеет смысл обратиться. Потому что пойти под руку того же деда не в пример лучше, чем оказаться под началом чужого человека. Дед ведь не заинтересован в том, чтобы Андрейка сидел в послужильцах пожизненно.

Но всё одно клеймо послужильца – серьёзное дело. От него не так просто отмыться. Даже если ты под рукой родича ходил – всё равно плохо. Не потому, что под рукой, а потому, что послужильцем, а не полноправным поместным дворянином. Для карьеры в здешних веках –

---

¹⁵ Кроме именованья по имени с указанием родителя (отчества), в те годы (да и до сих пор, по сути) частенько использовали связку из личного имени и прозвища.

огромное дело! Как Андрейка читал в своё время и как краем уха уже услышал – местничество здесь цвело и пахло до такой степени, что могло войско парализовать. Иоанн IV свет Васильевич царь и Государь Всея Руси, конечно, мог много кому хвосты накрутить. Но даже он пока не в силах был противодействовать местничеству. А в нём что главное? Не допускать родового позора и не ходить «на понижение», то есть держаться дел, в которых чести больше. И копить статус, копить потихоньку, передавая положение от отца к сыну. Этаким вариантом родового рейтинга.

Впрочем, поход к родичам – дело далёкое. А пока Андрейка ещё надеялся на самостоятельный успех. Так что, немного потратив времени на рефлекссию, он занялся делом. Сначала начал выгружаться с Устинкой и Егоркой. А потом и лодку на берег выволокли, чтобы водой не унесло ненароком. Когда же это нехитрое дело завершили, он отправился с Егоркой по округе ходить да смотреть, что к чему. Дом отцовский, понятное дело, сгорел. А всё остальное?

Увы, посевы оказались частью вытоптаны, частью лошадьми потравлены. Эти «мохнатые мопеды» охотно полакомились злаковыми, пусть и недозрелыми. Так что урожая в этом году не будет. Ибо урождаться нечему. Только фрагменты соломы да яблоки конские.

Прогулялись дальше.

Нашли возле пепелища два трупа уже пованивающих. Это были крестьяне – Емелька да Акишка, что стояли под рукой бати. У одного глубокая рубленая рана на левом плече. У второго – отметина от стрелы под правой лопаткой, которую грубо выдернули с клоком мяса. Чуть в стороне лежал ещё один мужик. А побродив по окрестностям с час, удалось найти дополнительно за две дюжины трупов, включая детей и женщин.

Таким образом, «картина маслом», нарисованная знающими людьми ему ещё в Туле, полностью подтвердилась. Как и его крайне печальное положение. В глазах всех вокруг у парня не было шансов самостоятельно всплыть.

Но время – деньги. Оценка ситуации проведена. И теперь требовалось переходить к действиям. И желательно не в одиночку. Так что, подойдя к своим холопам, он произнёс:

– Ну что, братцы-кролики. Посевы погублены. Изба сгорела. С монетами тоже туго.

– А... – хотел было что-то сказать Устинка, но наш герой поднял руку, перебивая его.

– Даже если бы я все свои монеты до последней полушки потратил на еду, всё одно не хватило бы нам перезимовать. Даже до зимы дотянуть.

– Так делать-то что?

– Меня слушать. Есть у меня мыслишки о том, как заработать еды на зиму. Но от вас надобно рвение и послушание. А потом ещё и молчание.

И эта парочка промолчала, словно бы в знак своего согласия. На самом деле им это рвение было до малины. Потому что если Андрейка не справится, то продаст их. И вся недолга. Выручит с того денег и выкрутится. А они? Они будут и дальше в холопах ходить до самой смерти...

– Если будете стараться, то на будущее лето вольную вам дам, – произнёс Андрейка, отвечая на невысказанный ими вопрос. Слишком уж он был очевиден. – И по пять рублей сверху положу. А дальше – сами судите. Или мне служить, но уже вольно, или идти, куда душа пожелает.

– По пять рублей? – переспросил Егорка.

– Каждому дам пять рублей.

– Откуда же ты их возьмёшь?

– Доверьтесь мне...

Устинка и Егорка переглянулись, но промолчали. Да и что им сказать? Паренёк по блаженному состоянию болтает глупости. Свобода приятна, но у них денег на неё не имелось. А умереть от голода на свободе дюже дурная перспектива. Так что они не сильно к ней рвались, мягко говоря. А вот если им на руки по пять рублей дадут – то дело. Одна беда – они не пони-

мали, откуда этот паренёк такие деньжищи найдёт. Ведь ему самому больше двадцати рублей требовалось до будущего лета.

Наш же герой это воспринял как согласие и начал распоряжаться.

Для начала он хотел порыться в пепелище отцовской избы, поэтому и Устинка, и Егорка принялись растаскивать обгорелые поленья. А Андрейка же, вооружившись топором, отправился в ближайшие кусты за прутьями. Потому что золу и пепел руками просеивать не хотелось. А вот прометать веником – уже дело. Мести и поглядывать на крупные фракции. А с соломы этого «добра» насыпался толстенный слой...

Так до вечера и провозились, извлекая из дома горшочки всякие, черепки и прочее. Домик был изначально небольшой, однако они лишь под вечер, в корень утомившись, начали варить кашу, завершив разбор завала...

Андрей же сидел уже в сумерках и задумчиво глядел на огонь. Там, в XXI веке, у него было всё, что он хотел. До трагедии. И деньги, и здоровье, и любящая семья, и прекрасные перспективы. А здесь? Всё с точностью до наоборот. Ну почти. Потому что какие-то перспективы, конечно, у него были и тут. И они были всяко лучше, чем у крестьянина или у холопа. Но главное, здесь у него была жизнь. Вполне возможно, что и долгая. Если сам не ошибётся нигде и глупостей не наделает. А это немало. Он всем своим видом излучал уверенность и какую-то радость что ли, из-за чего и Устинка, и Егорка, внимательно наблюдавшие за ним, диву давались. Парень потерял практически всё. И его путь шёл по скользкой тропинке услужения. А он светится, почитай.

Парень прекрасно это понял. Слишком уж неприкрытыми были эмоции этих мужиков. Бесхитростных, в общем-то, и простых. Да и откуда им лукавства набраться.

– Париж ещё узнает д'Артаньяна! – хохотнув, выдал он, не выдержав.

– Чаво? – ошалело переспросили они оба.

– Ну у вас и морды!

– Так... – попытался что-то выдать Егорка, неловко заломив руку и начав чесать затылок.

– Ещё раз говорю – доверьтесь мне. Если хотите свободы и сытости.

– Дивное ты говоришь, – покачал головой Устин.

– Я не прошу слепо верить. Дайте мне седмицу, в которую станете стараться и со рвением да прилежанием делать всё, что я говорю. Если я вас не удивлю и не покажу, как добуду денег, то отпущу на волю просто так. Денег бы дал, да их нет. Вот сами и пойдёте куда глаза глядят. Хотите – бобылями¹⁶. Хотите ещё куда. А если сдержу слово, то вы более такие кислые морды корчить не станете. И пойдёте делать даже то, что покажется вам дивным или дурным. И делать с огоньком.

– Слово даёшь?

– Слово. – произнёс Андрейка и, достав тельный крест, поцеловал его. Что было очень веским поступком. За нарушение клятвы после целования в том креста могло последовать очень серьёзное наказание. Понятно, что свидетельства двух холопов особой силы не имели. Но наш герой и сам был в подвешенном состоянии. Так что в сложившейся ситуации сломать ему будущее и их показаний хватило бы. – Вернёмся в Тулу, и я на торгу оглашу, что волю вам даю. Дабы никто не сомневался. А сам к деду подамся. Ну что? Сговорились? По рукам?

---

¹⁶ Бобыль – изначально одинокий крестьянин, не имеющий земельного надела. Если надела не было, а хата имелась, то именовался халупником. Обычно занимались батрачеством на земле, ремеслом, мелкой торговлей или работали по найму. В 1718–1724 годах с введением подушной подати слились по своему положению с крестьянами.

Глава 3

1552 год, 5–8 июля, где-то на реке Шат

Утром следующего дня Андрейка проснулся с первыми лучами солнца. Да и как иначе? Спали-то они под открытым небом. Так что как «свет включили», так глаза и продрали. Ему было это, конечно, странно немного и даже дико. Однако тело вполне комфортно себя чувствовало, то есть, по всей видимости, к таким ранним подъёмам привыкло.

Спать под открытым небом, надо сказать, приятно мало. Ведь у них не было ни палатки, ни спальников... ничего. Просто кулак под голову подложил и вперёд. Лёжа на сырой земле. Даже одеял и тех не имелось. Что, кстати, вполне обычное дело для большинства простых людей тех лет. Так всё лето спали и селяне, ибо в их крошечных землянках было душно. Да и даже среди тех, кто мог себе позволить жить в срубe, по хорошей погоде всё одно – старались почитать на свежем воздухе. А здание пользовали для этой цели только в ненастье да в несезон.

Комары и муравьи, к слову, отметились на нём знатно.

Поначалу Андрейка не придал им значения. Когда они на лодке шли и заночевали на берегу. Мало ли. Может, место дурное. Теперь же осознал в полной мере. Что только добавило ему утреннего запала, не давая разлёживаться.

– Заел гнус? – добродушно улыбнулся Устинка.

– Заел, – хмуро кивнул Андрейка, почёсываясь осторожно, чтобы не расчесать до крови укусы. Скорее даже потирая их.

– Так к дымку ложился бы.

– А дышать чем?

– Сдюжил бы. Чай гнусу там тоже не продохнуть. А под утро всё одно не лезет – вони шугается...

Подскочили они, значит. Поели вчерашнего варева, что стояло в горшке прямо на углях и было ещё тёплым. И пошли делами заниматься. А перед ними их стояло великое множество.

Прежде всего требовалось похоронить покойников. Так себе дело, тем более что они уже пованивали. Однако сделать это было нужно.

С одной стороны, формально эти люди – люди Андрейки. Строго говоря – его отца, но ведь он формальный наследник, а значит, его. И если узнают, что парень их бросил просто гнить, – запомнят. Понятное дело, Андрейка не в том положении, чтобы делать красивые жесты. И в принципе, все вокруг это прекрасно знали. Так что поняли бы, если бы он не стал хоронить своих людей. Поняли бы, но всё равно запомнили, что подмочило бы и без того никакую репутацию. Разом у всей округи. А ведь ему с этими людьми жить.

С другой стороны, это санитария и волки. И если санитарией ещё можно было пренебречь, так как «плотность населения» в округе была невысокой, мягко говоря. Просто стащить все трупы куда-нибудь в овраг, и всё. То вот волки выглядели очень серьёзной опасностью.

В Тульской области даже в XXI веке лесов хватало, в XVI же их было очень много. Как и живности в них. И если медведей, по слухам, почитай, что и не водилось, то с волками дело обстояло довольно мрачно. Они представляли нешуточную угрозу.

Понятное дело, что после такого губительного вторжения еды им хватало. Вон сколько трупов по всей округе валялось. Но нашего героя это и пугало. Мало ли, привлечённые запахом тухлятины, они заглянут на огонёк? Жрать-то им хочется каждый день. А человечины они уже попробовали почти наверняка. И одиночные двуногие жертвы были для них лакомой добычей. Против стаи даже втроём им не устоять. Да и вообще им сильно повезло, что эти санитары леса ещё к ним на огонёк не заявились.

Так что поводов заняться погребением хватало. И что примечательно, ни Устинка, ни Егорка не возражали. Прямо заявив, что бросить трупы гнить так не по-христиански.

Пройдясь по округе, Андрейка остановился на подходящем месте. Недалеко от берега реки, метрах в пятистах от отцовского дома он наткнулся на лёгкие песчаные почвы. Лопат у них не было, поэтому прогрызаться через слежавшийся суглинок или ещё что-то подобное не хотелось. Чем проще копать – тем лучше.

Выбрав место, наш герой занялся инструментами.

Для начала он прямо на месте, в ближайшем перелеске срубил подходящую рогульку для мотыги. Ему требовалось найти развилку толстых веток, расходящихся под достаточно большим углом. Одну ветку он обрубил коротко и заточил. Вторую сделал ручкой. Так себе поделка, конечно, но, чтобы рыхлить песчаную почву, вполне сойдёт. Её он и вручил Устинке. Егорка же притащил, найденную на пепелище нескоревшую корзинку и крупный черепок от разбитого горшка.

С чем они и засели копать братскую могилу. Один мотыгой рыхлит. Другой черепком насыпает в корзинку и вытаскивает грунт, сваливая его рядом. Потом меняются.

Сам же Андрейка отправился в лес с топором.

Ему требовалось нарубить жердей, надрать лыка и сделать простенькую ручную волокушу. А потом нарубить лозы и с помощью этой волокуши притащить её к стоянке. Тоже несложное занятие, однако на него было нужно и время, и привычка. Ведь это юное тело, судя по всему, никогда ничем подобным не занималось, из-за чего всё шло очень медленно, с изрядным количеством ошибок. Силёнок не хватало в руках. Да и утомление наступало слишком быстро. Но задача не выглядела непосильной, поэтому он старался во всю мощь своего худенького четырнадцатилетнего тела.

Справился.

Добрался до стоянки. Свалил лозу и отдал холопам волокушу, чтобы те собирали трупы да стаскивали их к братской могиле. Осматривать их не было нужды. Теоретически обдирать тряпье с них, наверное, и стоило. Но Андрейка не стал. Всё, что было более-менее ценно, с них и так татары сняли. Как показал беглый осмотр – крымчаки даже тельные кресты снимали, ежели те были металлическими. А последние тряпки снимать ради ничтожной прибыли не хотелось. Просто не хотелось. Понятно, что не он сам это станет делать, обдирая слегка протухшие трупы. Но всё равно. Решил не связываться. Отдал простой приказ – собрать покойников всех да аккуратно свалить в вырытую яму.

– Чудной он стал, – идя налегке к очередному трупу, заявил Егорка.

– Тоже приметил?

– А то!

– Можя, бес в него какой влез?

– А можя, и так. Но в храм-то ходил.

– Дивно... дивно... – покачал головой Устинка...

Спровадив холопов делать грязную работу, Андрейка сам занялся изготовлением ловушки – верши, чтобы рыбой разбавить скудный рацион. Верша – примитивная ловушка. Представляет собой фактически корзинку в корзинке. Первая достаточно большая, удлинённой формы. Вторая короткая, сделанная в виде расширяющегося конуса без дна. Их собирают воедино, связывая по верхнему ободу. Рыба легко проскальзывает внутрь, привлечённая запахом прикормки. А обратно выбраться не может, так как двигается вдоль стенки.

Плести корзину навык нужно. Это легко сказать, да не так легко сделать. Но Андрейка готовился и сплёл в своё время не одну и не две, и даже не десяток подобных ловушек, наловившись делать их из самых разных подручных материалов.

Здесь, конечно, непривычно было работать руками этого подростка. С достаточно слабыми пальцами, что занули почти сразу от такой работы. Но наш герой скрипел зубами и про-

должал трудиться. Потому что на одном ячмене далеко не уедешь. И требовалось если не мясо, то хотя бы рыба. Любая.

И если бы там, в XXI веке, он справился бы с этой задачей за час-полтора, то тут возился три часа с гаком. Но всё равно – справился, хотя пальцы у него после просто отваливались. Как и предплечья с кистями. Слишком серьёзная нагрузка на них. Однако, несмотря на это, он закончил дело. И не только сплёл вершу, но и, снарядив её, поставил. Для чего загрузил камнем-грузилом, прикрутил к кольшку самодельной бечёвкой из лыка да положил внутрь прикормку – шарик из ячменной каши, круто замешанной с глиной и песком...

До полудня так и провозились.

Потом часика полтора передохнули, посидев у костра и приготовив немного свежего ячменного варева. А потом наш герой сделал то, что впервые заставило усомниться Егорку с Устинкой в своём скепсисе. Он прочитал разрешительную молитву у ямы с трупами. Ту самую, что читают в самом конце отпевания. Оба холопа её слышали несколько раз и смогли опознать, но текста наизусть не знали. Да и Андрейка знать не должен был. Он вообще не отличался способностями к учёбе. Читать-писать не умел. Считал туго. Из молитв знал только «Отче наш», да и ту через пень-колоду.

Собственно, на этом-то он и прокололся тогда в церкви, вызвав интерес Афанасия. Тот был знаком с Андрейкой ранее и прекрасно представлял себе, что это за паренёк. Благо, что поместных дворян в Туле не так много и в той «большой деревне», в которой они жили, все друг друга знали. Особенно священники. В общем, наш герой слыл в округе пареньком лихим, но умом слабым. Прекрасный воин мог вырасти, но самый что ни на есть обычный. А тут и Символ веры этот отрок озвучил, и несколько других ходовых, важных молитв. Причём без запинки. А ведь он их не знал ещё вчера. Или знал? Но молчал и чего-то стеснялся? Непонятно. А теперь ещё и разрешительную молитву, из-за чего Устинка с Егоркой и переглянулись...

– Это как это? – спросил Устинка своего собрата по несчастью, когда их хозяин ушёл отдыхать, ибо руки его просто отваливались после плетения верши.

Но Егорка лишь пожал плечами. Сам недоумевал.

Закопали они, значит, трупы. Поставили сверху крест. А потом занялись совершенно несусветным бредом. На их взгляд.

Они стали выгребать золу с пожарища, каковой осталось изрядно. Мешать её с десятой частью мела, разбитого камнем в труху. И, замешивая тесто, лепить брикетты. А потом выкладывать их вдоль стены полусгоревшего дома, прикрывая лопухами. Да ещё и смачивая время от времени осторожно, чтобы не пересыхали.

Зачем они это делали – ребята не понимали. В их представлении – куличики из грязи лепили. Но пока терпели. Благо, что еда была и в целом труд был не очень тяжёлый и проблемный.

Наш герой не стал вступать с ними в долгий диспут или читать лекцию. Ибо не видел смысла. Но суть этого дела была простой. Калий и натрий в древесной золе находились в виде ортофосфатов, чтобы они перешли в карбонаты, то есть в поташ и соду, им требовалось прореагировать в водной среде с каким-нибудь подходящим карбонатом. Например, мелом. В самой золе подходящие карбонаты тоже имелись, но их едва хватало на часть калий-натриевых соединений. Вот Андрейка и добавил в смесь недостающий реагент.

– Что мы делаем-то? – наконец не выдержал Егорка.

– Деньги... много денег...

– Это деньги? – удивился Устинка, уставившись на сырой комок золы. – Да кому эта грязь нужна?

– Доверьтесь мне, – строго повторил в очередной раз Андрейка. – Седмица ещё не прошла.

– Блажен ты... ой блажен...

– А если и блажен, то что? Уговор есть уговор. Али вы решили отказаться?

– Мы слово дали, – насупился Егорка.

Так до вечера они и провозились.

А по утру Андрейка затеял новую напасть. Требовалось эти брикеты разминать в труху да засыпать в горшки и водой заливать до состояния жижи. И помешивать время от времени. Что вызвало у холопов ещё больше негодования.

Горшков удалось найти всего несколько штук после разбора пепелища. Вот их почти все в дело и пустили. Даже треснутые, замазав наспех глиной.

А после обеда начался новая часть квеста – выпаривание этой жижи.

Воду отфильтровывали через тряпицу и кипятили в оставленном специально для этого горшке. А остаток собирали в кулёк, сделанный из бересты. В качестве дров же использовали брёвна, что остались от дома. Укладывали их как таёжный костёр, да и пережигали так потихоньку.

– И что это? – глядя на бурый порошок, спросил Устинка, когда к вечеру удалось вытопить всю «закваску».

– Зольная соль, – не вдаваясь в подробности ответил Андрейка. – Сейчас мы её отбелим. И, высыпав полученный порошок на черепок, положил его на огонь.

Порошок этот представлял собой смесь из массы всяких веществ, среди которых поташ и сода были всего лишь доминирующими компонентами. А вот такое прокаливание приводило к тому, что почти все примеси, вступив в реакцию с кислородом, уходили через газы. И соединения хлора, и серной кислоты, и магния, и прочие. Конечно, кое-что осталось. Но минимально. А порошок получался белоснежный, представляя собой смесь поташа и соды.

Второй и третий день они продолжали перерабатывать золу. Устинка и Егорка всё это время в основном помалкивали. Они не очень понимали, что их хозяин заставляет их делать. Но тот был абсолютно уверен в своих распоряжениях и всячески излучал какую-то ауру понижения. Так что они держались. Тем более что ребята стали, кроме ячменной каши, ещё и рыбу есть, которую верша поставляла исправно. Пусть мелкую, но её вполне хватало для варева. А на второй день удалось поймать зайца и поджарить его, что ещё сильнее подняло их состояние духа.

Причём поймали не в силки, которые давали очень ненадёжный улов и могли пустовать неделями. А в хитроумную ловушку, изготовленную, как и верша, Андрейкой.

Тут нужно отметить, что ловушки для рыбы вроде верши встречались достаточно давно. Самые древние остатки таких приспособлений восходили к неолиту. Однако повсеместного употребления они не имели. Даже в XX веке использовались очень ограниченно.

Это было связано с тем, что не каждый мог их изготовить. И далеко не все вокруг вообще знали о них хоть что-то. Даже среди выходцев из поселений, расположенных по рекам да озёрам, потому что самым ходовым способом ловли рыбы со времён каменного века были сети да остроги. Остальное факультативно, эпизодически и далеко не повсеместно.

Аналогично обстояли дела с другими ловушками. Да, о силках да ловчих ямах знали многие. Даже селяне из самых глухих деревушек. Но силки отличались крайне низкой эффективностью, а ловчие ямы требовали больших затрат сил и применялись для добычи крупного и среднего зверя. Именно поэтому своими ловушками наш герой смог удивить своих холопов. Комплексно.

С одной стороны, самим фактом того, что он их сделал и что они работали. А с другой – тем, что они не понимали, откуда он о них узнал. Ведь паренёк рос на их глазах. И с отцом они если на охоту и ходили, то совсем на другую. Да и батя его, Прохор Степанов сын, мало хозяйству внимания уделял. Не до того ему было...

Но мы отвлеклись.

Итак – поташ и сода. Полноценно разделить их вот так вот «на коленке» у Андрейки вряд ли получилось бы, поэтому он решил довольствоваться относительной чистотой продукта. Благо, что до середины XIX века их вообще разделять не умели, называя всякий зольный остаток поташом. И применяя как есть.

Разделял их он достаточно просто. Положил в горшок, стоящий на костре, полученный белый порошок. И стал его растворять водой, позволяя ей прогреться до кипения. По чуть-чуть подливал её. Помешивал. Потом ещё и ещё. Когда же порошок растворился полностью добавил ещё половину от получившейся жидкости. И пошёл на ближайший родник. А Устинка, ухватив тряпками этот горшок, поспешил за ним. Егорка же, подхватив пустой горшок и тряпицу, засеменял рядом. Там они поставили ёмкость в струю ледяной родниковой воды и стали ждать, когда она остынет. Что и произошло довольно быстро. А вместе с тем на дно горшка выпал белый порошок – сода.

Андрейка, когда готовился, проводил эту процедуру не раз и не два. И прекрасно знал о том, что сода в несколько раз хуже растворяется в воде, чем поташ, особенно при понижении температуры¹⁷ и повышении концентрации в растворе поташа, как более активного вещества.

Остудил он раствор. Отфильтровал через тряпицу его, собрав влажную соду. И пошёл выпаривать немало почищенный зольный остаток. Получив в нём уже пропорции соды к поташу, как 1 к 10.

Повторив этот приём ещё дважды, он удовлетворился. Там, в XXI веке, анализ остатка показывал достаточно чистый поташ, вполне пригодный для его целей. Во всяком случае, та примесь в 1–2% соды была несравненно лучше 20–40% соды в обычном зольном остатке.

Пока с этим всем игрались – остатков сруба не стало. Весь сожгли, пустив на выпаривание. А получили на выходе пригоршню достаточно чистой соды и две горсти поташа.

– И ради этого мы корячились? – удивился Егорка, почесав задумчиво затылок.

– А что это? – поинтересовался Устинка, недоумённо смотря на два тусека с белым порошком в обоих.

– Здесь, – указал Андрейка, – сода. Чистая хорошая сода. А вот тут, – показал он на второй тусек, – поташ.

– А это не одно и то же?

– Нет. Они, конечно, карбонаты, но очень разные.

– Чаво?! – переспросили оба мужика.

– Карбонаты. Соли угольной кислоты.

Тишина.

Только стоят и глазами хлопают, словно коровы.

– Угольная соль это.

– А-а-а-а... – протянули Устинка и Егорка, обозначив кивок. Но понимания в глазах не добавилось.

– Только помалкивайте. Понятно?

Несколько секунд паузы, и они оба засмеялись. До слёз.

– О чём молчать то? – всхлипнув, спросил Устинка. – Полседмицы голову себе морочим.

И теперича вот – несколько горстей ни к чему не годного белого песка получили.

– Велика тайна! – добавил Егорка, вытирая слёзы.

– Белый порошок сей зело ценен и полезен сам по себе. Но мы далее пойдём. Так что за дело. Что расселись?

Посмеиваясь и поглядывая на Андрейку как на дурачка, оба холопа всё же принялись за порученные им дела. Устинка напильником наточил пригоршню мелких опилок сначала

---

¹⁷ Сода имеет растворимость 44,7 г / 100 мл при 100°C и 7 г / 100 мл при 0°C. Поташ имеет растворимость 149 г / 100 мл при 100°C и 105 г / 100 мл при 0°C.

с какого-то старого бараньего рога, найденного на пепелище. А потом, подменившись, уже Егорка «напиллил» опилок и со старого топора.

Андрейка же вида не подавал и ждал, готовя горшок с крышкой. Когда же парни закончили, он смешал поташ и эти опилки в горшке. Накрыл притёртой крышкой, сделанной из осторожно оббитого, а потом и поправленного обточкой черепка. И, придавив крышку камнем, поставил горшок на угли. Прокаливаться.

А пока это «варево» готовилось, занялся изготовлением железного купороса, то есть тупо макал топор в купоросное масло. Ждал какое-то время. И, вынимая, пихал топор в горшок с водой, давая раствориться тоненькому слою железной соли серной кислоты. И повторял это нехитрое действие по кругу.

Так до вечера и провозился.

А утром наступил момент истины.

В том горшке, что прокаливался в костре, образовалась жёлтая кровяная соль, которую легко удалось отделить перекристаллизацией, то есть залив горшок водой, отфильтровав через тряпочку нерастворимый остаток и выпарив раствор. Точнее, даже не выпарив, а просто упарив, чтобы повысить её концентрацию. А потом этот раствор он вылил в тот горшок, куда «смывал» железную соль.

И тут же пошла реакция – на дно выпал белый осадок, отфильтровав который, парень с особым трепетом разложил на лоточке, сделанном из бересты. И стал ждать.

– Опять белый песок какой-то? – хохотнул Устинка, которого всё больше и больше это стало забавлять.

– Смотри-ка... – ударив ладонями себя по бёдрам, Егорка, уставился на «продукт». А тот, рассыпанный тонким слоем по лоточку бересты, довольно уверенно синел, окисляясь на воздухе.

Устинка также туда глянул, и лицо его вытянулось от изумления.

– Что же сие есть? – наконец выдал он, когда процесс окисления закончился и порошок приобрёл насыщенный ярко-синий цвет, характерный для берлинской лазури, которую Андрейка и делал¹⁸.

– Краска.

– Краска?

– Одна из самых дорогих красок, что известна людям. Дороже только пурпур. Говорят, что камень, из которого её делают, меняют на вес золота. Порошок же, в который её стирают, и того дороже.

От этих слов оба холопа как-то попятнулись и начали креститься, дико таращась на Андрейку.

– Вы чего?

Но они ничего связного не говорили. Лишь таращились на него, крестились и бормотали какие-то отрывки молитв.

– Дурни! Да вы с ума попятитесь, что ли? – спросил Андрейка, глядя на них.

– Идишь! Лается, собака поганая¹⁹! Куда нашего хозяина подевал? Тварь бесовская!

– Вот вам крест, – произнёс Андрейка. – Я это я! Андрей. – после чего достал тельный крест и поцеловал его.

Они замерли, недоверчиво глядя на парня.

---

¹⁸ Приведён развёрнутый рецепт берлинской лазури из XVIII века. Насколько он достоверный, автор судить не может, однако эту краску делали с тех времён много, на коленке и из подручных материалов.

¹⁹ Поганый в старинном значении обозначал не то, что в наши дни. В былые времена этим словом именовали язычников. Происходит такое именование из ранней латинской традиции от слова *pagus*, то есть «село», «провинция», ибо христианство долгое время по всей Европе (и Руси тоже) было городской религией. Село же ОЧЕНЬ долго оставалось языческим, отголоски чего имелись даже в XIX веке (а местами и сейчас).

- Что с вами?
- Ты не ты, – уверенно произнёс Егорка. – Я Андрейку с пелёнок знаю. Почто отрока примочил бесовское отродье?
- Я крест поцеловал. Вам мало? Разве бесовское отродье на такое способно?
- И то верно, – кивнул более компромиссный Устинка.
- Но ты не ты. – упрямылся Егорка.
- А кто я?
- А я почём знаю? Память, сказываешь, отшибло? Бреешь. Что надо – помнишь крепко. Вон какую волшбу учинил. А мы зубоскалили. Думали, умишком тронулся.
- Разве я вас не накормил? Разве я вас обманул? Разве креста шарахаюсь?
- Тишина.
- Ну?
- Отколь сие ведаешь? – после затянувшейся паузы спросил Егорка.
- А ты сказал бы? – усмехнулся парень. – Я от того и ведаю, что умею язык за зубами держать и лишнего не болтать. Но ответьте мне. Разве это, – он махнул рукой в сторону синего порошка, – не позволит нам прокормиться сытно всю зиму? Разве не даст нам тёплую одежду? А вам обещанных мною по пять рублей к будущему лету? Что дурного в том? По весу золота, ясное дело, никто её в Туле не купит. Но это наша жизнь. И моя, и ваша. Али я что не так сказываю?
- Так, – нехотя согласился Егорка. – Но ведь это волшба.
- Или волхование, – добавил Устинка.
- А коли и волхование, то разве оно супротив Господа нашего Иисуса Христа что творит? Али людям беды несёт?
- Нет.
- Вот и не ершитесь. А главное – не болтайте. Сей песок удивительный я нашёл прикопанным в горшочке у дома. В тайном месте, что батя мне указывал. Он же сам его у татар боем взял да утаил до тяжёлых дней. Усвоили?
- Усвоили, – хором произнесли Устинка с Егоркой.
- Вот и добре. Это всё к пользе нашей. Но сами уразуметь должны – зело дорогой песок. Сболтнёте – нас и поубивают. И меня, и вас. И счастье, если сразу убьют. А то ведь под пытками станут выпытывать – где мы его взяли и нет ли там ещё. Уразумели?
- Уразумели, – снова хором произнесли Устинка с Егоркой. . .
- На том день и закончился. А вместе с тем и эпопея по выделке берлинской лазури – самой простой и первой искусственно получаемой краски, изобретённой только в XVIII веке. Причём, так как Андрейка морочился и старался очистить ингредиенты, то цвета она вышла особенно яркого и сочного, по сравнению с теми образцами, что первоначально выделявали. Но и тогда она «взорвала» рынок. А тут? Парень не собирался ничего взрывать. Он вообще опасался вывести ситуацию из равновесия или навлечь на себя беду излишним богатством. Так что и сделал этой замечательной краски всего пригоршню. Достаточно для того, чтобы продать её на малевание²⁰ икон богомазам или украшение книги какой миниатюрой. Но не более. . .

---

²⁰ Несмотря на в изрядной степени просторечное звучание, термин «малевать» в отношении икон историчен и верен. И не несёт никакого негатива.

Глава 4

1552 год, 10 июля, Тула

Спал Андрейка тревожно после того странного разговора со своими холопами. И опасался беды. Или сбегут, или какую гадость учинят. Но обошлось, и всё пошло совсем не так, как он ожидал.

Проснулись.

И тут начались странности. Что Устинка, что Егорка начали очень неожиданно себя вести с нашим героем, выказывая ему особое уважение. Чего ранее не наблюдалось. Да, хозяин-господин. Да, никакого унижения или попыток оскорбить-обидеть. Но и держали его за отрока неразумного.

А тут – уважение. С чего бы это?

Впрочем, поразмыслив, он плюнул и вернулся к делам. Ведь ничего плохого это ему не несло. Во всяком случае, в кратковременной перспективе. Только позже он понял всю опасность ситуации, в которую попал тогда...

Всё дело в том, что первая семинария открылась на Руси только при Алексее Михайловиче²¹. А более-менее значимо это аукнулось лишь в XVIII веке, когда в сельскую местность массово пошли священники. До того же Русь делилась на городскую-христианскую и сельскую-языческую. И старое доброе деление на деревни и сёла по наличию церкви в том же XVI веке попросту не работало. Потому что эта самая церковь имела редко в каких сёлах, как и освящённый христианский погост. И в отличие от более поздних времён, сёла тех лет отличались лишь размером и наличием какой-либо администрации. Например, старосты. Потом в них, конечно, начали ставить церкви, как в административных центрах сельской округи. Но это было потом. Сильно потом.

Конечно, с момента принятия христианства в конце X века прошло около шести столетий²². Немалый срок. Однако по-настоящему христианство утвердилось к XVI веку только в городах и монастырях. Село же лишь приняло правила игры и социальный ритуал – продемонстрировать свою принадлежность к христианам, чтобы проблем меньше²³.

Так вот, Устинка и Егорка, хоть и были крестьянами в прошлом, но много времени проводили с отцом Андрейки. И часто бывали в Туле. Что укрепило их поведенческие реакции. Однако языческое нутро никуда не делось. Просто им потребовалось какое-то время, чтобы осознать случившееся и соотнести со своей картиной мира.

В целом ничего такого. За тем исключением, что они могли начать при случае языком чесать и хвастаться, заявляя, что служат волхву или ведуну. Во всяком случае, именно так они Андрейку и восприняли. А его знания, частичную «потерю памяти» и странное поведение трактовали как «прикосновение бога». Как и потерю сознания. Само собой, Большой Бог вряд ли снизошёл до чуда. Слишком он занятой и важный. А вот малый, старый Бог... почему нет? Какой? Кто его знает? Мог и Велес, мог и Сварог, мог и ещё какой. Но это и не важно.

---

²¹ Алексей Михайлович Романов – второй царь из династии Романовых. Правил с 1645 по 1676 год. Проводил первый этап реформ, который продолжил его сын Пётр I Великий.

²² В конце X века Владимир крестил только свою дружину и ближних людей. После чего начался очень долгий процесс крещения городского населения. И ещё в XII–XIII веках под Москвой, например, встречались образцы языческого курганного погребения знатных людей.

²³ Язычества на селе хватало и в XIX веке, пусть и в беспорядочном, бессистемном виде. И не только на селе оно сохранялось очень долго на территории Руси. Например, в Минске до самого конца XIX века оставалось языческое капище.

Понятное дело, что к отцу Афанасию или ещё кому из церковных деятелей они бы не побежали докладывать. Но так, ребятам своего ранга вполне бы могли ляпнуть. А те и дальше слухи пустить. Совершенно не нужные для Андрейки слухи.

Кроме уважения, которое оба холопа стали выказывать нашему герою, изменилось и выражение их лиц, их взгляд. Ведь у них в голове произошло серьёзная корректировка статуса. Да, они всё ещё были холопами. Но уже не нищего недоросля из числа служилых по отечеству, а натурального ведуна, что несравненно выше. Не говоря уже о том, что они теперь поверили в слова парня и его обещания.

Так или иначе, но утро началось удивительно бодро и позитивно.

Позавтракали.

Сняли ловушки, чтобы не губить попусту рыбу и зверя.

Собрали пожитки.

И отправились обратно в Тулу, имея при себе берестяной туесок с ярко-синей краской и ещё один – с содой. Тоже дорогой продукт, но продавать его Андрейка не планировал. Но и оставлять тут не хотел. Мало ли.

Гребли без всякой спешки. И даже остановились на реке Упе в паре часов хода от Тулы, чтобы переночевать спокойно и прибыть в город уже по утрам, а не на ночь глядя. Да и рыбы немного на завтрак нужно было поймать вершей, поставленной в ночь.

И вот наконец утро и Тула.

Устинка остался у лодки – караулить. Там ведь находились все их пожитки, включая остатки продовольствия и инструмент. Оставь так – и уже через четверть часа будет пусто. Растащат и спасибо не скажут. Вот Устинка и остался там сидеть с топором на поясе, готовый в любой момент спихнуть лодку в воду и дать ходу.

Топор был тем самым, многострадальным, который и напильником мучали, и слабенькой кислотой. Однако своей функциональности он в целом не утратил.

Сам же Андрейка прихватил Егорку, туесок с краской и пошёл к замеченному им ранее купцу Агафону по прозвищу Малыш из-за своих необъятных размеров. Называли его так в шутку, разумеется, но ему такой юмор нравился.

– Доброго утречка, – поздоровался Андрейка, подходя к стройке.

– Чего тебе? – неприветливо пробасил купец, который с мрачным видом сидел чуть в стороне ипил прохладный белый квас, очень подходящий своей кислотой летнему зною.

– Дело к тебе есть.

– Денег не дам.

– Денег не дашь, так и товар не увидишь, – произнёс Андрейка, махнув рукой в сторону туесочка берестяного.

– Что у тебя там? – усмехнулся Малыш. – Грибы сушёные?

Андрей молча подошёл и показал, приоткрыв крышку.

Агафон несколько секунд молча смотрел на ярко-синий песок. Потом поднял свой взгляд на парня и махнул, дескать, следуй за мной. Встал. И удивительно подвижно для своих габаритов пошёл. Словно огромный такой медведь. Вроде большой, но отнюдь не неповоротливый.

– Это то, что я подумал? – тихо, почти шёпотом спросил Агафон, когда они вошли в амбар с обвалившейся крышей.

– Это краска. Батя сказывал, что зовётся ляпис-лазурь.

Купец прищурился, а его глаза сверкнули очень хорошо.

Дело в том, что минерал, из которого делали ляпис-лазурь в те годы, стоил на вес золота. Однако при его измельчении обычно получали лишь серый порошок. Секретом изготавливать из этого камешка ярко-синюю краску владели лишь несколько арабских семей, из-за чего сама краска стоила ещё дороже. Ситуация усугублялась ещё сильнее из-за того, что из ста грамм минерала удавалось изготовить всего два-три грамма собственно краски, поэтому цена какого-

то жалкого грамма краски из ляпис-лазури колебалась в районе полусотни грамм золотом. В пересчёте на серебро – порядка восьми рублей. Или даже больше.

Огромные деньги!

Вот почему подобная краска была доступна только очень состоятельным людям. Как и живопись с её использованием. Дороже неё был только императорский пурпур. Так что Агафон, увидевший, что паренёк ему принёс, даже как-то растерялся. В туеске было около двух десятых гривенки²⁴ этой краски. Немного. Но рублей на сто шестьдесят тянуло. А может быть, и больше.

По тем годам очень приличное состояние.

Деньжищи!

И этот отрок с ними вот так запросто ходит?

Дивно...

Причём, что интересно, этого объёма совершенно не хватило бы для росписи храма. Но вот для какой-нибудь иконы – вполне. Что позволяло продать туесок одной партией под конкретную задачу. Повышая ценность торгового предложения.

В общем, глаза Агафона очень нехорошо сверкнули, а в голове начали стучать мысли о том, чтобы убить задохлика и ограбить. Сто шестьдесят рублей, чай, на дороге не валяются. Особенно после того разорения, что учинили татары его имуществу.

– Это наследство отца, – не теряя самообладания, произнёс Андрейка, прекрасно всё поняв.

– Да ты что? – оскалился Агафон со сквозящим скепсисом.

– Да. И кто знает, что ещё он мне оставил. Не так ли?

Пауза.

Агафон пыхтел и напряжённо думал, сводя дебет с кредитом.

Отец Андрейки не считался богатым человеком. Да, у него было всё необходимое воинское снаряжение. Но с деньгами имелись постоянные проблемы. Хотя иной раз с боя брал хороший барыш, но всё спускал на гулянки. Так что, имея ТАКОЙ туесок он, без всякого сомнения, пустил бы его в дело. Мужчина он был простой и бесхитростный. Мудрить не стал бы. Как и клад закапывать.

Откуда парень его взял? Вопрос.

– А что он тебе ещё оставил? – наконец спросил Агафон чуть осипшим голосом.

– А это зависит от того, сговоримся мы али нет. Мне нужен человек, что продавать наследство отцовское станет. И так, чтобы обо мне не говорили. Я в тебе не ошибся? Или тебе жадность ум застит?

– Брешешь.

Андрейка достал тельный крест и поцеловал его.

– Я ведь могу тебя убить. За меньшее, – кивнул он на туесок, – убивали.

– Но не убьёшь, – расплылся в улыбке Андрейка.

– Это почему?

– Меня человек ждёт. И если я не вернусь, он отцу Афанасию сообщит, что я к тебе пошёл – наследство отцово закладывать, чтобы зиму продержаться. А за убийство слуг государевых сам понимаешь, что тебе сделают.

– Что за человек? – тихо и как-то вяло поинтересовался Агафон. – Не тот ли холоп, которого ты оставил в лодке?

---

²⁴ Гривенка – это половина гривны. С XV века на территории Руси доминировала новгородская система мер и счёта, поэтому самым распространённым типом гривны была новгородская – примерно 204 грамма. Соответственно, гривенка получается около 102 грамм, а 2/10 гривенки, это что-то около 20 грамм.

– Ты думаешь, я так глуп? – продолжал улыбаться Андрейка. – И да, я знаю, сколько это стоит. И если мы сейчас сговоримся, то время от времени я буду приносить тебе дорогой и очень интересный товар. А если нет – я уйду спокойно и пойду к другому купцу. А потом к следующему. Если не удастся сговориться – поеду к деду. С ним придётся делиться, но он точно поможет.

– К деду? К деду не надо, – засуетился Агафон. Причмокнул губами и, достав нож, осторожно, самым кончиком клинка зачерпнул краску. Поднял её. И просыпал обратно. – Добрая лазурь. Что ты за неё хочешь?

– Пятьдесят рублей.

– Да ты рехнулся! – ахнул Агафон, хлопнув себя руками по бёдрам. Даже нож от удивления выронил.

– Ты за неё в три раза больше получишь.

– Да меня за неё зарежут, и вся недолга!

Начали торговаться.

Пришлось ещё скинуть. И ещё. И ещё. В общем, сошлись на восемнадцать рублей. Больше Агафон давать наотрез отказывался. С него ведь спросят – откуда. А как ответ держать? Да и продавать краску придётся в Москву везти. Да связи подключать, чтобы к нужным людям зайти.

Вот и ударили по рукам. Да, всего за десятую часть стоимости. Но изначально Андрейка и на это не сильно рассчитывал. Думал, что Агафон даст меньше – в районе десяти рублей. И ему этого для зимовки вполне хватало. А тут – почти вдвое больше.

Причём малую часть цены купец дал монетой, остальное же товаром, что вполне устраивало Андрейку. Тем более что Агафон согласился приобрести парню всё, что потребуется, от своего имени, чтобы не выдавать его. А всё купленное барахлишко сговорились, что купец погрузит на свою хорошую лодку, отдав её до весны в пользование парня безвозмездно. Андрейка же для всех окружающих пойдёт на ней вроде охранника на приработке, чтобы доставить товар куда надо.

И пока Агафон суетился, решая вопросы по заказу нашего героя, тот пожил у него в гостях. Пару суток пришлось просидеть. Но с пользой. Потому как купец и холопов его накормил добро, и его самого. А ещё они мало-мальски про дела поговорили. Что почём из редких и интересных товаров.

Конечно, Андрейка рисковал, когда шёл к Агафону. Сильно рисковал. По сути, он рисковал даже тогда, когда делал эту краску. Ведь она могла легко стоить ему жизни. Да и даже сейчас – ещё ничего не закончилось, поэтому версии наследства он планировал держаться до конца. Что отец-де был на публику дурак. Но на деле прикопал немало всяких запасов на черный день. От греха подальше. И не делать пока ещё этой краски, поставив по весне Агафону другие интересные товары...

Глава 5

1552 год, 13 июля, Тула

Жизнь нашего героя у купца была нервной.

Андрейка каждую ночь, засыпая, опасался не проснуться. А этот самый Агафон мерещился ему с топором, нависающим над ним. Очень уж личностью он был колоритной.

Но обошлось.

Чтобы показать наличие «неучтённого элемента», наш герой вытащил к купцу обоих холопов и вёл себя максимально непринуждённо. Уверенно. Спокойно. Так, словно знал – его не тронут, а если и тронут, то сильно за это поплатятся. А человек, который стуканёт, если что, кто-то ещё, а не вот эти холопы. И ловил не раз и не два задумчивый взгляд Агафона на себе.

Формально Андрейка – отрок семьи человека служилого по отечеству, то есть служащего Государю потомственно. И имеющего за это право на поместье. Такая система службы на Руси была введена дедом нынешнего монарха. Не очень давно. Но лет семьдесят с гаком уже прошло – порядка трёх поколений, из-за чего отношение к служивым уже устоялось, а о том, что было ранее, никто ничего не помнил, за исключением считанных единиц. Да и те больше опирались на байки дедов.

Так вот, убивать купцу человека в статусе Андрейки – дело поганое. Ежели узнают, то головы ему не сносить. Но это если узнают. А во все времена людей наказывали только за одно преступление – за то, что они попались. И отягчающим вину обстоятельством было то, что они признались. Так что Агафон тут, в тульском посаде, мог вести себя хорошо, опасаясь донесения. Но там, за его пределами... о да... он мог многое...

Этого-то Андрейка и боялся. Даже восемнадцать рублей – сумма большая. И терять её Агафон мог не захотеть. Но это ладно. Это полбеда. Ведь наш герой намекнул ему на то, что знает, где взять ещё интересных вещей. Что мешало купцу захотеть тесно пообщаться с Андрейкой за пределами городской округи? Чтобы шито-крыто. И под пытками выбить из него все ухоронки, на которые парень намекнул? Для того чтобы забрать всё ценное оттуда, а его самого с холопами просто прибить и аккуратно прикопать? Правильно. Ничего не мешает. Именно поэтому-то Андрейка и думал о том, как подстраховаться на этот случай, ещё с того самого момента, как бродил по тульским торговцам в первый день здесь, в XVI веке. И даже кое-что придумал. Но судьба подбросила ему новых проблем...

Когда наш герой уже завершил дела у купца и вышел с территории его разорённой усадьбы, его ждала весьма неприятная встреча. Один из уважаемых служилых людей с парой своих послужильцев прогуливался здесь словно невзначай.

– Андрейка! – воскликнул Пётр по прозвищу Глаз. – Ну ты и дурень!

– Чего?! – нахмурился парень и демонстративно положил руку на отцовскую саблю.

– Какой бес тебя попутал у Агафона деньги в рост брать? Куриная ты голова! – пояснил с самым разочарованным видом этот мужчина лет тридцати пяти или более того. А потом кивнул на туго набитый кошелёк на его поясе.

– Тебе какое дело до того?

– Я был другом твоего отца! И я, и мы все сильно удивлены тем, что ты не у нас остановился, а к этому хриstopродавцу пошёл. А теперь ещё и это...

Парень нахмурился.

Он всё же ещё не сумел должным образом адаптироваться к местной среде и своему положению. И этой специфической игре, названной впоследствии местничеством. Да, там, в

XXI веке, тоже сохранялась подобная система общественных отношений, но не так явно. Здесь же проявлялась куда более ярко и вычурно. А местами так и вообще – выходя далеко за рамки неформальных отношений. Суть её опиралась на честь...

Честь – довольно странное слово с ускользающим смыслом. Когда Андрей только начал готовиться к путешествию в прошлое, то столкнулся с этим понятием и его повсеместным употреблением. И попытался разобраться, что оно означает, придя к довольно занятному выводу. Определений этого слова он встретил достаточно много, однако все они казались ему какими-то натянутыми и далёкими от универсальности, то есть с их помощью нельзя было охватить всю практику бытования этого понятия в том же XVI веке.

А потом его озарило.

Престиж. Это просто престиж и репутация. Что прекрасно объясняло всё. Например, конная служба в поместной коннице считалась более честной, нежели в стрельцах. А стоять на службе поместным дворянином – честнее, чем послужильцем. Почему так? Потому что один вид службы был более престижным в глазах окружающих, даже если приносил меньше дохода, а другой – нет.

Родовая честь? Уважение к роду, его престиж, который складывался из поступков и публичных успехов. Участвовал отец в битве такой-то? Хорошо. Проявил себя храбрым? Отлично. Остался при сюзерене, когда все остальные побежали? Идеально. Это помнили. Этим гордились. Это ценили.

Личная честь? Так это личный престиж, который складывался из поступков и общественного мнения.

Внутренняя честь? Да то же самое. Только престиж этот внутренний и регулировался личными «тараканами».

И так далее, и тому подобное.

Так вот, жизнь в те годы была не такой, как в XXI веке. Каждый человек был на виду, даже в городе, которые были небольшими и скорее напоминали крупные укрепленные деревни. Все про всех всё знали. Постоянно болтали и распускали слухи со сплетнями. Пошёл к любовнице? Так поутру это уже станут обсуждать. И до жены всё дойдёт быстрее, чем ты успеешь придумать оправдание.

Вот и Андрейка, оставшись с ночлегом у купца, совершил оплошность. Зайти по делам – одно. Остаться на ночлег – совсем другое. Тем более что он чужой ему человек, а в городе у покойного отца хватало друзей-товарищей, с которыми он и в поход ходил, и гулянки гулял. Так что остановиться было у кого. Понятное дело, что все или почти все в разорении. И усадьбы у них не в пример меньше той, что у Агафона. Но этот поступок парня пахивал дурно и негативно влиял на личную честь Андрейки и, как следствие, его репутацию в служилой среде.

Вот один из друзей-товарищей старых отцовских и решил пообщаться. Да уму-разуму отрока поучить. Ибо тот не купец и не гоже ему с ними такую дружбу водить...

Андрейка не стал оправдываться. Просто внимательно посмотрел на Петра и спросил:

– У тебя дело какое есть?

Тот от такого заявления аж дар речи потерял. Ну не так должен был вести себя пацанёнок, которого застукали на горячем.

И тут за спиной Андрейки вышли люди купца и потащили закупленные им товары в лодку.

– Это что? – удивился служилый.

– Так нанял я Андрейку, – улыбнувшись, произнёс Агафон со всем почтением как к себе, так и к собеседнику. – Вот – собрал товар, а он повезёт.

– А денег чего столько дал? – кивнув на кошель парня, спросил служилый.

– Так доведёт в целости и сохранности. Ведь слово служилого человека нерушимо.

– Так и есть, – нехотя кивнул этот человек.

А потом начал звать к себе Андрейку послужильцем. Всё лучше, чем на купца работать. И что сделку эту поможет закрыть. И вообще прислуживать купцу – урон чести.

– Я сам это решу, – твёрдо, но без вызова произнёс наш герой. – А тебе благодарствую за заботу. Да только не вижу я урона чести в труде ратном. Татей ныне много на дорогах. Отчего их не погонять?

– Мал ты ещё татей гонять. – буркнул Пётр. – Аль не понимаешь, что Агафонка тебе помогает не просто так?

– Все люди держатся своего ума, – пожал плечами Андрейка, прозрачно намекая на то, что и Пётр тоже не просто так желает ему помочь.

К слову сказать, он пока не мог понять – ради чего ребята стараются. Ну вот возьмут они Андрейку послужильцем. И что им с того? На хлеб они это разве намажут? И ведь предлагают так настойчиво. В такой массовый альтруизм он не верил. Так что чем больше они предлагали, тем сильнее напрягался.

Так или иначе – Андрейка отбрехался и, поблагодарив за помощь, отправился дальше. Осмотрел лодку. Оставил рядом с ней сидеть Устинку с Егоркой при топорах на поясе. А сам, немного помедлив, собираясь с духом, да и пошёл к отцу Афанасию.

– Доброго утречка, отче, – поклонился наш герой с порога.

– Доброго и тебе, – кивнул священник. – Думал уже, что не зайдёшь.

– Как я мог, отче? И пожертвовать на храм надлежит, ежели по совести. И за упокой души бати моего помолиться. Да за советом к тебе обратиться.

Афанасий благодушно кивнул.

И Андрейка, сняв с пояса кошелёк малый, протянул его священнику.

– Здесь рубль. Прими, не побрезгуй.

– Рубль? Но отколь он у тебя?

– Батя мой, когда из походов приходил, иной раз кое-что из взятого на саблю прятал. Мало ли беда какая нагрянет. Вот я одну такую ухоронку и нашёл.

– Оттого и в послужильцы не шёл?

– Да, отче. Хотел поначалу проверить. Верно ли я помню.

– А что там было?

– Туесок малый с краской доброй. Ляпис-лазурь зовётся. Её там совсем немного лежало. Едва на икону.

– Ох... – выдохнул священник. – А чего... – он хотел спросить, но остановился, найдя сам ответ в своей голове. – И в какую цену ты Агафону ляпис-лазурь отдал?

– Восемнадцать рублей за две десятые части от гривенки.

– СКОЛЬКО?! Да он, мироед, совсем оскотинился от жадности своей!

– Отче, я ведаю, что красная цена ей полторы сотни рублей или даже больше. Но кто мне даст такие деньги в Туле? Особенно после разорения города.

– Сын мой. Если вдруг ты ещё найдёшь подобную краску – приноси её мне, – вкрадчиво произнёс святой отец... вроде бы и по-доброму, но отчего-то парню показалось, будто ему только что сообщили ультиматум.

– Тебе? – удивился Андрейка.

– Мать Церковь даст тебе больше за неё, чем этот христопродавец, – скрипнул зубами Афанасий, сохраняя с трудом некое подобие благодушие, сквозь которое проступал совсем другой человек. Жёсткий и решительный.

– Конечно, отче. Ежели бы я знал, что Матери Церкви она надобна, то сразу бы пошёл к тебе.

– Хорошо, – кивнул отец Афанасий и собрался было уже идти, но Андрейка скороговоркой выдал:

– Отче, я посоветоваться хотел с тобой. Меня пугает, каким взглядом Агафон на меня посматривал. Словно злодейство какое удумал. Я ведь в поместье поеду. При мне всего два холопа будет. А ну как решит возвернуть свои деньги?

– Я с Агафоном поговорю, – серьёзно произнёс священник.

– Благодарю тебя, отче, – поклонился Андрейка со всем почтением. – Только ты, отче, молю, не сказывай никому про краску. А то ведь с меня спрос будет. А не с батюшки моего покойного, – произнёс наш герой и добавил, перекрестившись: – Царствие ему небесное.

– Хорошо... – кивнул священник в явном нетерпении.

На этом их разговор и закончился. Отцу Афанасию стало резко не до Андрейки. Он не на шутку распереживался по поводу краски, которая могла уйти куда-то на сторону. Что было бы крайне нежелательно...

Глава 6

1552 год, 15 июля, где-то на реке Шат

Возвращение к родным пенатам прошло спокойно.

Новая лодка, которую Андрейка взял у Агафона, была не в пример лучше старой, что позволило им очень быстро достигнуть поместья. Рассохшуюся же лодку он сдал, вернув половину выданных купцу монет. Тот, сославшись на «порчу имущества», взял плату за ремонт. Ведь, с его слов, он давал Андрейке целую лодку, а тот вернул ему рассохшуюся, да ещё курам на смех отремонтированную.

Мерзкий типчик.

Что наш герой и отметил, записав его в свой воображаемый блокнот. Дабы потом вернуться и пообщаться с ним по душам. А может, и «отремонтировать» слишком уж алчного бедолагу.

В представлении нашего героя пытаться нажиться на подростке, попавшем в сложную жизненную ситуацию, мерзко и низко. Да, выгода – дело серьёзное. Но и совесть иметь надо. Хотя бы в каких-то ключевых, фундаментальных вещах, чтобы не потерять человеческий облик и окончательно не оскотиниться.

Этот «кадр» ему напомнил карманников. Андрейка знал, что в уголовном мире эта категория преступников ценится и уважается очень высоко. За мастерство. Но наш герой презирал их всем сердцем, считая самыми мерзкими и ничтожными представителями уголовного мира. А мастерство их почитал ничего не значащим. Пустым.

Причина такого отношения была проста – они забирали последнее. Вот едет работяга с работы. Везёт зарплату в кошельке. И раз – зарплату нет, украл карманник. Вытащил вместе с кошельком. А дома работягу ждёт жена и дети. И им нужно что-то есть...

Андрей ещё мог понять, когда последнее забирали во время войны. Таковы извечные правила игры, ибо горе побеждённым. Но в ситуации с карманниками никакой войны не шло. Они просто оставляли людей без средств к существованию.

Это было для него почему-то очень важно. Проходимца, который сумел украсть деньги у богатого, он ещё мог уважать и даже отмечать его находчивость, предприимчивость и прочие выдающиеся качества. А вот того, кто пытался забрать последнее, – нет. В его мире на этих людей не распространялось закон, милосердие и прочие подобные вещи. В его мире таких людей надлежало давить при случае любым подходящим способом. Как вшей или блох.

У всех свои «тараканы». У Андрейки были вот такие.

Так или иначе, но Андрейка запомнил этого дельца и взял на карандаш. Чёрт его знает – получится или нет ему за это отплатить. Но он постарается...

Потом.

Сейчас же перед Андрейкой стояла куда более важная задача. Лето летом, но жить, как заяц, под открытым небом он не хотел. Да и к осени-зиме требовалось подготовиться. Так что он со своими ребятами занялся постройкой землянки.

Конечно, до холодов можно было и сруб поставить, чтобы престижнее. И они втроём бы справились. Но до холодов у них и других дел хватало. Ему ведь требовались деньги для того, чтобы «упаковаться» для получения в наследство отцовского поместья. Так что нужно было основательно потопать, чтобы по весне хорошо полопать. А сруб? Сруб подождёт. Может, по будущему году он и займётся им. Пока же наш герой решил заняться землянкой. Тем более что она тупо теплее, дешевле и проще в возведении.

Место для неё он присмотрел ещё тогда, когда с Егоркой первый раз обходил округу. Это был холм, располагавшийся на небольшом удалении от реки, но, в отличие от сгоревшего дома бати, с реки совершенно не просматриваемый, так как отделялся от неё лесом. В какой-то мере спорная позиция. Но Андрейку она устраивала в большей степени, чем жизнь на виду.

– И то верно, – кивнул Егорка. – С реки то вон – пепелище лишь видно.

– Ежели татары пойдут, не заметят? – спросил Устинка.

– А чего нам татары? Ныне, мню, у нас недруги иные. Верно я говорю?

– Верно, – кивнул Андрейка.

– Неужто Агафон гадость какую учинит?

– Агафон? Он спужается связываться. Я ведь Афанасию рассказал про краску. И тот этого жирного борова крепко возьмёт за мягкие места. Хотя может и он подгадить да татей каких навести.

– А кого опасешься?

– Никак я в толк не возьму, отчего отцовы друзья-товарищи меня всё зовут в послужильцы. Им что с того?

– Как что? – удивился Егорка. – Ежели ты пойдёшь к ним послужильцем, то поместье это тебе не унаследовать. А земляца здесь расчищена и годная. Значит, явившись на смотр десятинный, можно будет себе её испросить. Если добро выйти да послужильцев поставить более положенного. Хотя бы на смотр.

– А так можно?

– Отчего нельзя? Сговориться можно легко с городовыми казаками²⁵ или ещё кем из иных за полтину, дабы выехать на смотр. Так иной раз промышляют.

– А чего иной раз? А чего не всегда?

– Так ежели окладчик²⁶ уличит в обмане, то накажут строго.

Андрейка помолчал. Устинка с Егоркой тоже ничего сверх говорить не стали. Он ведь прямо чувствовал, что альтруизмом желание помочь старых друзей отца даже и не пахнет. А оно вон что оказалось.

Немного уделив времени рефлексии, наш герой вернулся к делам. Понятное дело – мир суров. И чем тяжелее ситуация, тем больше желающих погреть руки на чужой беде. Но обижаться на это глупо. Нужно просто идти вперёд.

Итак – землянка. Почему он решил её ставить на холме? Потому что землянка, построенная так, не затапливается во время дождей и половодья. А заливает местную пойму реки по весне или нет, Андрейка не знал. Да и вообще слышал, что хоббиты себя в таких сооружениях чувствовали куда как комфортно. Вот и сам решил себе такую нору соорудить.

Для начала Андрейка разметил контур будущей землянки и Устинка с Егоркой занялись выкапыванием котлована под неё. Дёрн, как и в ситуации с могилой, сняли, порубив его топором на сегменты. А потом снимали их, подковырнув, и относили в сторону, чтобы использовать в дальнейшем.

Грунт рыхлили той же самой самодельной мотыгой. А вот извлекали разрыхлённую землю уже с помощью деревянной лопаты. Наш герой среди прочего приобрёл у Агафона парочку таких поделок с оковкой режущей кромки маленьким кусочком металла. Для выемки разрыхлённого грунта вполне подходяще.

---

²⁵ Городовой казак – категория служилых людей «по прибору», то есть за жалование, которые нанимались и заселялись по городам, острогам и прочим укреплениям. Тут важно понимать, что слово «казак» неоднозначно и обозначает несколько близких явлений. Оно пришло из тюркских языков, где обозначало молодого мужчину, ищущего приключения на свою пятую точку, авантюриста, наёмника.

²⁶ Окладчик – выборный из среды поместных дворян, обладающий авторитетом и уважением среди них. В его обязанности входило знать всё обо всех. И во время смотров контролировать, не врёт ли поместный дворянин, не утаивает ли что, выставляя меньше людей, чем должно.

Сам же Андрейка тем временем поставил вершу, пару ловушек на мелкого зверя и отправился за дровами, пользуясь всё той же волокушей, для чего прихватил с собой нормальный топор, насаженный на длинную ручку. Он ещё там, в Туле, озаботился тем, чтобы один из двух деловых топоров так оснастить, сделав его, по сути, двуручным.

Его путь лежал к старому дубу, упавшему пару лет назад. Порубить ствол этого могущего дерева на дрова Андрейка едва ли мог. А вот посбивать ему толстые ветви – вполне. И, нарубив их трёхметровыми кусками, притащить к стоянке на волокуше.

Так остаток дня и провели.

И Устинка, и Егорка старались. После произошедших событий они уверовали в правдивость слов своего хозяина. И теперь предвкушали. Нет. Не уход на все четыре стороны. Им этого не хотелось. Они собирались остаться с Андрейкой. Просто обрести новый статус, избавившись от позорного положения холопов. И это предвкушение наполняло их особо продуктивным настроением, поэтому до темноты они успели выкопать котлован подходящих размеров.

Андрейка планировал сделать хоть и землянку, но очень основательную, чтобы в дальнейшем использовать не один год. Основное помещение имело размеры примерно такие же, что и сгоревший сруб. Три на пять с двухметровой высотой. Перед ним размещались внушительные сени три на три.

Причём основная часть землянки полностью уходила заподлицо с грунтом холма. А сверху наш герой планировал расположить чердак под двухскатной крышей, на который можно будет забраться из сеней. Чердак в качестве складского помещения. Сухого и нормально проветриваемого, чтобы там часть припасов поместить.

В сенях он планировал поставить небольшую печь – очаг с отверстием для установки горшка. И заглушкой керамической, когда готовить не требовалось. Дымоход же от неё проложить по полу землянки и вывести наверх у дальней стенки. Для чего требовались кирпичи. Хоть как-то обожжённые. Ну или камни. Там как пойдёт.

Крыша же, им задуманная, была простой и основательной. Деревянные жерди накладывались вплотную, укладываясь прямо на стропила и привязываясь к ним лыком. Сверху их должно было покрыть смесью из глины с травой. А потом ещё прикрыть кусками дёрна. Не самое лучшее покрытие, конечно. Но достаточно крепкое для того, чтобы по нему ходить и снега много держать. Непромокаемое в целом. И достаточно тёплое.

Землянка эта, по его задумке, должна была получиться просторной и тёплой. А главное, незадымлённой. Что он весь вечер и рассказывал Устинке да Егорке, пока они жевали кашу с рыбой. И слушал их возражения. Как правило, несущественные, так как почти все они сводились к «так не принято» или «так не делают». Хотя иногда проскакивали и дельные мысли. Но они больше касались не конструкции, а способов сбора и доставки строительного материала.

Легли спать.

Андрейка вдохнул аромат костра и улыбнулся, получше укрывшись одеялом. Жизнь потихоньку налаживалась. И очень хотелось спеть чего-нибудь. Но он знал – читатели это не любят. Да и попал он не в Индию, чтобы петь и танцевать по делу и без, поэтому вздохнул и ограничился своими воспоминаниями.

Музыки очень не хватало, как и интернета. Да и вообще каких-либо развлечений. Он здесь жил только вторую неделю, а парня это уже угнетало. Не сильно, но устойчиво. И если в первые дни было не до того, то теперь, когда вроде бы пошла рутина, стало сказываться намного заметнее.

Сам же он так и не освоил никакой музыкальный инструмент. Да и петь не умел, поэтому максимум, что мог изобразить, – это композицию из «Кин-дза-дза». Там ни голоса, ни слуха не требовалось. Но таким образом себя не развлечь и слух не усладить. А музыка, которую он слышал в своей прошлой жизни, потихоньку сойдёт на нет в воспоминаниях, становясь с каждым месяцем, каждым днём всё более бледной, безвкусной и тихой. Превращаясь в тень от

тени. И это пугало, портя настроение. Вот Андрейка, чтобы перед сном не думать о печальном, и сосредоточился на мыслях более полезных и прикладных. Например, на пиле.

Пила занимала удивительное место в жизни европейцев. До XII века она у них употреблялась практически исключительно как орудие пыток.

Входила в обиход она очень неспешно и с трудом. Само собой, впереди всей Европы тут оказалась Италия, выступавшая главным центром регионального прогресса. Там уже в XII веке стали появляться пилорамы с приводом от водяного колеса. В Восточную Европу же этот замечательный инструмент вошёл лишь в XVII веке. Так что когда Андрейка захотел его купить, то пришлось обломиться. Ибо пил в продаже не имелось. А Агафон, поняв, что просит отрок, даже как-то с лица спал.

Что не так было с пилой?

Её критика базировалась на двух китах. Во-первых, считалось, что она хитрит и работает нечестно. Ведь с её помощью, например, можно спиливать деревья тайком. Во-вторых, её почитали женским орудием, ибо позволяла она достигать успеха, не применяя силу и твёрдость руки, необходимые для того же топора. Хуже того – в средневековом восприятии распиливание и обтачивание имели нечто общее с ростовщицеством. Иными словами, дело грязное.

Уничжительная трактовка пилы распространялась далеко за пределы самого инструмента и круга тех, кто им пользовался. В репрезентативных системах всё зазубренное, изрезанное, зубчатое, как лезвие пилы, являлось негативно окрашенным и несло уничижительное значение. Украшенные так гербы и одежды принадлежали предателям, палачам, проституткам, шутам, бастардам, еретикам и язычникам. И так далее.

Но Андрейке была нужна пила.

Очень нужна.

Отправляясь в прошлое, он как-то совсем упустил из виду этот факт. Для его проектов требовалось много дров. А без пилы малыми силами их не заготовить. Так что, переключившись с музыки и «потерянного рая», то есть недостижимого более XXI века, он сосредоточился на мыслях о том, как её добывать. И проблема заключалась не только в том, что пилу просто так заказать было нельзя для простого смертного. Но и в том, что, даже если ты её сделаешь сам, до тебя всё одно могут докопаться. В общем, тот ещё квест. С мыслями о котором он и заснул...

Глава 7

1552 год, 26 июля, где-то на реке Шат

Андрейка потянулся и сладко зевнул, просыпаясь. Открыл глаза и едва заметно вздрогнул, не сразу поняв, где он находится.

Ему снилось, что он снова дома. Там, в XXI веке. Что он только-только защитил диплом в вузе и сегодня должен был поехать на отдых с родителями. Полететь, точнее. А тут такое пробуждение. Если бы он оказался хотя бы под открытым небом – полбеды. Мало ли. А то ведь над головой располагался навес, крытый пучками вялой травы. И выглядело это ещё более неожиданно, чем чистое небо для квартиры, в которой Андрейка ожидал проснуться.

– Почудилось что, хозяин? – вежливым тоном спросил Устинка. Они с Егоркой уже проснулись. Минут пять назад.

– Да так, – отмахнулся Андрейка.

Он решительно вскочил с лежанки и начал разминаться, просто чтобы разогреть слегка одеревеневшее за время сна тело.

Умылся из самодельного умывальника. Андрейка сделал его из старого растрескавшегося горшка. В дне его аккуратно проковырял дырку. И впихнул туда обструганную деревяшку, верхний край которой сохранял расширение, а на нижнем держался привязанный лыком камень-утяжелитель, чтобы не всплывала. Вполне достаточное для того, чтобы выступать стопором и не давать ей проваливаться в дырку. Ну и притёр её так, чтобы вода не просачивалась. Во всяком случае, сильно. Снизу чуть нажал на деревяшку, приподнимая её – пошла вода. Отпустил, она упала вниз и заперла отверстие. Просто и примитивно. После чего повесил этот умывальник на столб, привязав его лыком, что позволило ему каждое утро проводить водные процедуры. Ну хотя бы в минимальном объёме. Чистить зубы тут, правда, было нечем, поэтому после каждого приёма пищи он тщательно полоскал рот и старался избавиться от остатков еды. После пробуждения и перед сном тоже.

Устинка и Егорка на это всё смотрели подозрительно. Но молчали, никак не комментируя. Андрейке же этого вполне хватало. Здоровые зубы – это важнейшая ценность, которая была у него. И он хотел их сохранить как можно дольше. Стоматологов-то в здешних местах не водилось. А если какие и имелись, то лечили все зубные проблемы просто и банально – хорошо поставленным ударом.

Так вот, умылся он.

Взял отцовскую саблю и, отойдя в сторонку, начал с ней упражняться.

Четырнадцатилетнее тело его было достаточно слабо развито физически. И это обстоятельство не выглядело чём-то необычным или странным в глазах окружающих. Даже несмотря на то, что Андрейка был сыном поместного дворянина. Хотя, наверное, смутило бы многих его бывших современников, считавших поместную конницу аналогом рыцарства и выводя из этого ошибочного предположения соответствующие выводы, также, разумеется, не верные.

Поместная конница была по своей концепции близка к рыцарству, но к его самой архаичной форме, характерной для раннесредневековой культуры с поправкой на крайнюю скудность и бедность феодалов, сближающей их не с рыцарской, а с фемной византийской практикой.

В чём отличие? В благосостоянии.

Если рыцарь мог себе позволить со своего надела купить доброго коня для копейного боя и хорошие доспехи, то поместный дворянин – нет. Если рыцарь мог позволить себе иметь управляющего в поместье, то поместный дворянин – нет, из-за невозможности оплатить его услуги. Если рыцарь мог проходить регулярное военное обучение через систему наставниче-

ства, то поместный дворянин – нет, так как такой системы просто не существовало. Ведь она требует наличие института оруженосцев или чего-то подобного.

И так далее.

В 1460-е годы на Руси существовала система дворового войска, которая представляла собой развитую иерархическую структуру из дружин самого разного толка. И эти дружины, выступая как более-менее устойчивые военные корпорации, занимались подготовкой новичков, попадавших в их ряды. Как – отдельный вопрос. Но они занимались.

Переход к поместному войску, произведённый в период правления Иоанна III, привёл к тому, что этот институт подготовки был утерян. Теперь поместный дворянин или сын боярский уже не являлся профессиональным военным, как ранее существовавшие дружинники. И не состоял на содержании у своего господина. Теперь он являлся хозяйственником, который нёс иррегулярную службу за право распоряжения выделенной ему землёй.

Помещик-отец ныне оказался более озабочен вопросами получения денег, нежели воинским делом. Ведь поместья были ничтожно малые. И средств, что с них собирали, мало на что хватало. А помещик-сын помогал ему в этом. Систематических же военных упражнений не велось. Не до них.

Конечно, любой помещик-отец, понимая, что сын когда-нибудь подменит его на службе, старался по возможности чему-то научить его. Но делалось это эпизодически, бессистемно и бестолково. Случались, конечно, и исключения. Но в целом переход на поместную систему ОЧЕНЬ сильно просадил уровень выучки личного состава²⁷. Поначалу, первые десятилетия, всё ещё действовала «старая школа». Но потом, по мере естественной убыли людей, сформированных в дружинной среде и получивших там подготовку, уровень выучки резко пошёл вниз.

А ведь на отсутствие регулярных и систематических собственно военных упражнений накладывался ещё и фактор общей физической подготовки, которой не было. Вообще не было. Последнее место, где ей хоть как-то занимались, было римские легионы ДО кризиса III века. Потом она вернулась в обиход лишь по завершении Первой мировой войны.

Так что Андрейка в свои четырнадцать лет выглядел вполне обычно. Худой. Скорее даже дохлый. Слабый. Не очень выносливый. И это ему категорически не нравилось.

Вот поэтому-то он каждое утро и начинал с гимнастики-растяжки. Потом переходил к упражнениям с саблей. И завершал общеукрепляющей физкультурой, которой он занимался в самом конце из-за того, что ручки после неё тряслись. И парень просто опасался махать саблей в таком состоянии.

Пока он отрабатывал с оружием ровно два приёма.

Первый – разминка для кисти. Фланкировка. Она смотрится красиво, но не имеет никакого практического боевого применения. Зато кисть развивает. И связки укрепляет, разогревая руки перед тренировкой. Особенно спешить или разогнаться не требовалось. Да и с этим телом он не решился бы пока на такое. Так что фланкировка шла вяленько, но шла.

Минут через пять он переходил ко второму приёму – отработке кистевых ударов. Ничего сложного или хитрого в том не было. Андрейка просто отводил саблю назад до плеча и резко, вращая её лишь кистью, поворачивал так, чтобы она составила с рукой единую линию. Ну примерно. Причём делал при этом шаг вперёд и выпрямлял руку для увеличения дистанции удара. А потом шаг назад, возвращая саблю в исходное состояние.

Раз. Раз. Раз.

---

²⁷ Не только выучки, но и оснащения. Переход к поместной системе уменьшил объём ресурсов, выделяемых на оснащение всадника, в четыре и более раз, откатив уровень материального оснащения войск на пять веков – до уровня Святослава – Владимира Святого. Введение поместной системы позволило получить много войск, но их качество уже через полвека в плане выучки, оснащения и мотивации пробило дно, добравшись до абсолютного минимума за всю историю Руси.

Махал он саблей, рисуя парные кресты. Сначала вертикальный сверху вниз. Потом косой, смещая на сорок пять градусов по часовой стрелке. Потом боковой. И так по кругу. Всего восемь ударов. И в другую сторону, уже против часовой стрелки.

Смена руки. И то же самое.

Чёрт его знает, как там в жизни у него всё сложится. Но погибнуть или попасть в плен только потому, что его ранили в правую руку, ему не хотелось, то есть левой он тоже должен хотя бы минимально владеть саблей. Вот и махал. То левой, то правой, по очереди.

Хотелось бы уделять тренировкам больше времени. И с саблей куда шире работать. И с копьём поупражняться, и с луком. Однако возможности его тела этого попросту не позволяли. Он начал с самого простого – укрепления кисти и отработки самых ходовых быстрых ударов. Слабых, но очень полезных против противников без доспехов или имеющих большое количество уязвимых мест.

Устинка же с Егоркой всё время тренировки за ним наблюдали. Внимательно-внимательно.

– А чего вы на меня так смотрите? У меня хрен на лбу вырос, что ли?

– Дивное ты творишь... дивное...

– Разве батя мой не упражнялся с сабелькой?

– Упражнялся. Чего уж там, – кивнул Егорка. – Хворост рубил да иногда игрался с Борисом.

– А вот так?

– Не видели.

– А где тот Борис?

– Погиб. По позапрошлому лету.

– Тоже от стрелы?

– С коня сверзился и шею сломал. По пьяному делу решил дубок поваленный перескочить. Все говорили, что его кляча не сможет, а он хорохорился. Вот и...

– Не смогла?

– Ногами зацепилась. И они вместе кубарем полетели. Чуть полежал на траве и душу Богу отдал, болезный...

Андрейка хмыкнул. И вернулся к упражнениям.

Борис этот ему очень бы пригодился. Или если не он, то хотя бы кто-то для нормального спарринга. Хоть вот этих двух «весёлых ребят». Только перед этим какие-нибудь учебные сабли сделать, выстругав из дерева, чтобы не убить никого ненароком. И не травмироваться.

После болтовни и небольшого перерыва наш герой перешёл к общей физкультуре. Только с акцентом на развитие выносливости. Сила силой, но пока с таким телом она была мало полезна.

Так совокупно около часа и прозабавлялся. Позавтракал. Ещё часок отдохнул. И они втроём занялись хозяйственными делами.

К этому времени землянка была уже готова. И импровизированный сортир с поганим ведром соорудили. То дело нехитрое оказалось. Поставили четыре столба, обвязанные по верху жердями для придания им хоть какой-то жёсткости. Шесть жердей положили сверху, как слепи, формирующих наклонный профиль небольшой односкатной крыши. С десятка вязанок травы²⁸ на крышу. Несколько волокуш лозы, чтобы сформировать стенки. Глина, замешанная с травой, на обмазку плетёных стенок. И лёгкая дверца с такой же «плетёнкой», только уже без обмазки. Ну и внутри немного повозиться пришлось.

День на него угробили. Однако результат Андрейку полностью удовлетворил. Он не хотел постоянно бегать по округе и гадить под кустами. Особенно зимой, по морозу. Можно,

---

²⁸ Соломы у Андрейки под рукой не было, поэтому он ограничился тимофеевкой, вполне подходящей для этих целей.

конечно, ставить поганое ведро в землянке. Но запах? И гигиена. Кроме того, пока это не требовалось, но сбор мочи и кала был полезным делом. И просто так их расходовать – не продуктивно.

Так или иначе, но чуть в стороне от землянки он сортир этот и соорудил. А потом занялся большим таким и просторным навесом, чтобы заниматься делами в ненастье не в землянке, а на свежем воздухе.

Круто наклонённая двускатная крыша задала определенную вытянутость конструкции, чтобы обойтись без слишком длинных столбов. Вот с этим навесом сегодня и надлежало поработать. И перекрыть его полностью пучками травы, надёжно привязав её к жердям, чтобы ветром не сдувало. Потому как за вчера удалось покрыть только десятую часть – у самого входа в землянку. Там-то они лежаки и поставили.

А после покрытия крыши он планировал сформировать по периметру навеса невысокую плетёную изгородь из лозы, чтобы под навес ветром снег зимой не заносило. Во всяком случае, в большом количестве.

Казалось бы, удалось уже много всего.

Но работ, намеченных Андрейкой, предстояло ещё огромное количество. И каждое утро он просыпался с ломотой во всём теле.

Хорошее питание, которое он обеспечил себе за счёт краски и ловушек, давало организму и углеводы, и белки, и микроэлементы. Много физической активности обеспечивало их усвоение и укрепление растущего тела. Но вот ощущения... они были ниже среднего. Однако Андрейка не роптал и не пытался ахать. Он, стиснув зубы, трудился и шёл к своей цели. Потому что с его судьбой тут ещё ничего не решилось. Она как была подвешенной, так и оставалась...

* * *

А в Туле в это время Афанасий нервно вышагивал по церкви и вспоминал разговор, что неделю назад у него состоялся...

– Шуметь пришёл? – мрачно спросил воевода, когда к нему наведился Афанасий.

– Да чего уже шуметь-то... – махнул рукой священник. – Шумом дело не поправишь. Сам разуместь должен – краска эта должна попасть богомазам. А ты...

– Я дал Агафону десяток в сопровождение и грамотку отписал о том, что торгует он трофеем законным, а не воровским образом добытым. За что он обещался передать на нужды крепости полсотни рублей. Зима близко. Разорение же страшное. Чую я – прокорм закупать нужно, чтобы зиму с весной продержаться. Многие поместные дворяне оказались с пустыми поместьями. Коли не поддержать – разбегутся.

– Да куда они пойдут?

– Куда? Да хотя бы в послужильцы кому из бояр, заключив ряд. Уже слухи такие ходят. А город чем оборонять, коли татары вновь сунутся?

– Государь наш не оставит Тулу в беде.

– Дай Бог ему здоровья! – вполне искренне перекрестился воевода. – Не оставит. Но когда помощь от него поспеет? Чай, не у нас одних беда. Да и казанские татары шалят. Слухи ходят, что он по зиме в поход может пойти на них.

Помолчали.

Афанасий видел вопрос иначе. Но то, что говорил воевода, было дельно, и возразить он не смел. Никто бы не понял. Ни его начальство, ни жители города.

– Эх... пришёл бы Андрейка ко мне сразу, а не к этому мироеду...

– И что бы было? – грустно улыбнулся воевода. – Ты бы дал ему не осьмнадцать рублёв, а двадцать? Ну двадцать пять. А потом переслал в Москву митрополиту сию краску дивную?

– Двадцать пять всяко лучше, чем восемнадцать.

- Для Андрейки – да. А для города?
- Ежели краска эта пропадёт, то...
- Ничего и станется. Как пришла, так и ушла. Краска добрая. Видел я её. Но её мало. На икону одну. Да и то – едва-едва. Зато ныне пользу она городу великую принесёт. И очень своевременную.
- А ежели Андрейка ещё что принесёт такое?
- А ты думаешь, ещё принесёт?
- Отрок сей себе на уме. И раз отец его такое сокровище от всех утаил и приберёт на черный день, то и Прохор, оказывается, был не дурак. Балагурил и чудил на людях, а сам...
- Да... удивил Прохор. Удивил. Никогда бы не подумал, что он о завтрашнем дне думает. С виду – дурень дурнем. И Андрейка удивил.
- И он ещё удивит. Он ведь ко мне сам пришёл. Страшится Агафона.
- Страшится?
- Что тот, как всё уляжется, к нему в гости наведается. Да под пытками попытается выведать иные ухоронки.
- А они есть?
- Есть ли они или нет, ни мы, ни Агафон не ведаем. Судьбу Андрейки же это не изменит. После пыток тот его замучает и закопает где под кустом, чтобы не донёс.
- Понимаю, – кивнул воевода задумчиво.
- Теперь же, когда и ты, и я ведаем о том его страхе, гибель отрока ляжет тенью на Агафона, даже если тот сдержит свою алчность. Не так ли?
- Думаешь, у него краска ещё есть?
- Я не ведаю того. И никто не ведает. Но отрок сей весьма самостоятелен и умён не по годам. Пока отец его жив был – притворялся. Как и батя его. И они, мню, и дальше притворством жили бы, если бы не случилось горе, и Андрейке не пришлось бы спасти своё положение.
- Ты хочешь, чтобы я поговорил с ним?
- Я не знаю... – покачал головой Афанасий. – Я боюсь его спугнуть. Он ведь может краску, ежели она у него ещё имеется, взять и бежать. Даже если за ним придут – не так-то просто будет его поймать в лесу. А отрок сей, без всякого сомнения, готовится. И как недруги отойдут, извлечёт ухоронки да в бега.
- Далеко ли он убежит?
- Да к деду своему и убежит.
- Степан... – поморщился воевода, вспоминая колючего и жёсткого мужчину.
- Оттого и не ведаю я, как лучше поступить. Ежели он испугается, то... – развёл руками Афанасий.
- А сам он ещё что-нибудь принесёт?
- По весне верстать станут. А у него ни коня, ни брони. И денег, что Агафон ему заплатил, не хватит, чтобы их купить. Так что я мню – принесёт.
- А если он уже у деда?
- Отрок сей жаждет получить отцовское поместье. Да и по Упе он пошёл вверх, а не вниз. Лошадей же у него нет. Нешто ты полагаешь, что он такой дурной, чтобы пешком побежать по лесам да весям? И товаров множество, что купил у Агафона рублей на десять, бросить?
- Хм... – задумчиво произнёс воевода. И, встав с лавки, прошёлся по палате. Здесь, кроме них, никого не было. И лишние уши не угрожали. Священник удачное время выбрал для беседы.
- Надо только Андрейке сообщить, что мы его поддержим, – продолжал Афанасий, – и чтобы он ничего не боялся. И по весне мы ждём, что он ещё принесёт из тайников отцовских.

Рассказать о том, какую пользу от краски его город получит. И попросить по весне не затягивать. Ибо поддержки ждут товарищи его будущие по делу ратному.

– Сам пойдёшь?

– Сам. Со служкой сплаваю на недельке на лодке. Надо же проверить, каково состояние его духовное. Как епитимью исполняет.

– В сопровождение кого дать?

– А и давай. Кондрата Кобылу давай. Он его ко мне тогда привёл. И отцу его был верный друг. Вряд ли Андрейка его испугается.

Глава 8

1552 год, 2 августа, где-то на реке Шат

– Хозяин, – произнёс Устинка, подходя. – Там лодка.

Андрейка проследил за жестом своего холопа и напрягся.

Лодку, которую им выдал в аренду Агафон, они вытащили на берег, оттащили в сторону и, поставив на брёвна, укрыли ветками, чтобы не на земле лежала. Иногда, конечно, использовали, но не часто. Ибо не до неё было. Так, пару раз вдоль берега прошли на несколько километров в обе стороны от поместья, изучая, что к чему, и где есть какие-нибудь интересные вещи. И всё.

С воды или от берега лодку Агафона было не видно. Землянку с навесом – тоже. С того ракурса наблюдалось только пепелище старого дома отца. Однако лодка пристала, и из неё выходили какие-то люди. У одного наблюдалась на боку сабля. Остальные двое вроде бы священники, но это не точно.

Радости от встречи гостей Андрейка не испытал ни малейшей.

– Берите топоры. Но не хватайтесь. Пусть на поясе повисят.

Топоры это были не боевые, а дельные. Но всё равно – штука опасная в рукопашной. Что Устинка, что Егорка ими рубиться не умели. Но даже необученные юниты с каким-никаким топором всяко лучше безоружных. Хотя бы и для престижа. Считай, вооружённая свита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.